

В. А. Силановскій.

Экспедиція
Т. Я. Стѣдова
къ сѣверному
полюсу.

ОБЩЕСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕИ
АКАДЕМИИ НАУК

О. С. С. Р.

Инвент. № 20698

Отдел VI

Кл. 805

Поданію Вѣри Андреевой.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.

Тип. Торг.-Пром. Т-ва Печ., Перепл. и Изд. Дѣла.

1919.

20600

Коп.

Руб.

Коп

Руб.

ПРОВЕРЕНО
Дата V/1945

В. А. Симановскій.

Экспедиція Г. Я. СЪДОВА
къ сѣверному полюсу.

1952

Издание ВЪРЫ АНДРЕЕВОЙ.

1957 г.

Архангельскъ.
Тип. Торг.-Пром. Т-ва Печ., Перепл. и Изд. Дѣла.
1919.

Экспедиція Г. Я. СѢДОВА къ сѣверному полюсу.

Загроможденный вѣчными льдами, окутанный холодною мглою, широко разстилается во все стороны Сѣверный полярный океанъ.

Ревниво скрываетъ свой стѣ человѣческихъ взоровъ свои тайны и не одинъ смѣлый изслѣдватель заплатилъ жизнью за свою любознательность, стараясь проникнуть въ это пустынное и мерзлое царство. Но пытливость человѣка не останавливается ни передъ какими препятствіями и не страшится никакихъ жертвъ.

Каждое поколѣніе отдаетъ свою дань на завоеваніе новыхъ областей для науки.

Полярная экспедиція старшаго лейтенанта Г. Я. Сѣдова также понесла свою жертву въ лицѣ начальника экспедиціи Г. Я. Сѣдова.

Хотя экспедиція не достигла и мѣченной цѣли—не дошла до полюса, тѣмъ не менѣе она займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду полярныхъ экспедицій за послѣдніе десятилѣтіе.

Въ настоящемъ очеркѣ описывается вторая зимовка экспедиціи въ полярныхъ странахъ пачиная съ момента отплытія экспедиціи съ Новой Земли на Землю Франца Іосифа до возвращенія ея въ Архангельскъ.

Ледяная западня. Погоня за Захаровымъ. Печальная годовщина. Ледъ вышелъ.

Когда въ 1913 г. наступилъ августъ мѣсяцъ, Г. Я. Сѣдовъ и другіе участники экспедиции стали обдумывать планъ—какъ выбраться изъ ледяной западни, въ которой они оказались послѣ первой зимовки на Новой Землѣ у Панкратьевыхъ острововъ.

На всемъ пространствѣ между Панкратьевыми и Горбовыми островами стоялъ толстый зимній ледъ.

Между тѣмъ, нужно было торопиться, такъ какъ въ концѣ августа кончается новоземельское лѣто и начинаются заморозки, намерзаетъ новый ледъ.

Ничего не оставалось дѣлать, какъ пропилить во льду каналъ и по этому каналу вывести „Фоку“ на чистую воду.

Хотя нельзя было питать большой надежды на то, что, при малочисленности рабочихъ рукъ, удастся пропилить каналъ черезъ все пространство зимняго льда, тѣмъ не менѣе нужно же было что-либо дѣлать, чтобы вырваться изъ ледяной западни.

Поэтому Г. Я. Сѣдовъ приказалъ съ 5 августа приступить къ работамъ по распиловкѣ льда. Пилили ледъ боцманъ, 5 матросовъ и 2 кочегара. Работа была тяжелая и въ первый день къ вечеру удалось пропилить не больше 20 кв. саженъ. Такъ какъ нужно было торопиться, то 6 августа—въ день Преображенія Господня—работы по распиловкѣ льда продолжались. Но ледъ попалъ гораздо толще и до 8 часовъ вечера пропилили около 10 кв. саженъ.

7 августа распиловка льда подавалась тоже очень плохо, благодаря сильному вѣтру, дувшему прямо съ берега и не дававшему возможности отталкивать выпиленные льдины. Мѣстами толщина льда доходила до $2\frac{1}{2}$ аршинъ. Пилой насквозь пропиливать было нельзя. Команда очень уставала, исполняя эту тяжелую работу.

Слѣдующій день 8 августа былъ болѣе удаченъ. Пропилили около 40 кв. сажень. Но вытолкать ледъ не удалось, такъ какъ передняя льдина оказалась слишкомъ большой. Нужно было ее распилить на части и ждать прилива съ хорошимъ вѣтромъ. Но хорошій вѣтеръ съ приливомъ едва ли могли принести успѣхъ, такъ какъ 8 августа было уже 2^о мороза и пазы, сдѣланные въ предыдущій день, мѣстами смерзлись.

Работа по распиловкѣ льда продолжалась вплоть до 20 августа.

Многіе стали высказываться уже за то, что нужно бросить распиловку льда, такъ какъ она ни къ чему не приведетъ.

— „По всему видно, — говорили многіе, что это совершенно бесполезная работа, такъ какъ съ пилой въ рукахъ намъ океана не одолѣть, и чтобы распиловкой льда сдѣлать свободный каналъ, по которому могъ пройти „Фока“, нужно работать не меньше мѣсяца. Кромѣ того нужно, чтобы было тепло и снова не смерзлись сдѣланные пазы. Даже, если съ помощью этого канала удалось бы вывести „Фоку“ на свободную воду, то тогда уже будетъ поздно, такъ какъ начнутся новые морозы и вьюги и экспедиція вынуждена будетъ остаться на вторую зимовку на одномъ и томъ же мѣстѣ“.

— „Поистинѣ неудача, постигшая нашу экспедицію“, — говорили члены экспедиціи.

Несмотря на неудачу, Г. Я. Сѣдовъ надѣялся, что судьба имъ поможетъ и они попадутъ на Землю Франца Иосифа.

Поэтому онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы извѣстить Сѣдовскій Комитетъ о положеніи экспедиціи.

Дѣло въ томъ что отправленный еще въ іюнѣ на Б. Заячій островъ капитанъ „Фоки“ Захаровъ, съ больными механикомъ Зандеромъ и 3 матросами, сидѣлъ въ норвежской избушкѣ и не хотѣлъ тащить на югъ по льду шлюпку, ожидая пока вынесетъ ледъ.

— „А если ледъ въ этомъ году не вынесетъ, — говорилъ Захаровъ, — я намѣренъ возвратиться обратно къ судну, или останусь на зимовку въ норвежской избушкѣ“.

Поэтому, въ случаѣ ухода „Фоки“, онъ просилъ оставить ему провизіи еще на годъ.

Такъ какъ по утрамъ уже начинаются морозы и вполне возможно, что „Фока“ будетъ обреченъ на вторую зимовку, то Г. Я. Сѣдовъ командировалъ на Б. Заячій островъ штурмана Н. М. Сахарова, чтобы онъ доставилъ документы Комитету экспедиціи, препроводилъ больныхъ въ Россію и сообщилъ, что экспедиція находится въ

исключительно неблагоприятномъ положеніи: уже 10 августа, а ледъ въ бухтѣ и вокругъ нея стоитъ такъ же, какъ стоялъ и зимой.

Сопровождать штурмана Сахарова отправились Визе и матросъ Линникъ.

10 августа, въ 2 часа дня, Сахаровъ, Визе и Линникъ вышли къ норвежской избушкѣ на Б. Заячьемъ островѣ, гдѣ жилъ Захаровъ, и пришли туда въ 8 часовъ вечера.

Въ избушкѣ Захарова съ командой они не застали, и на стѣнѣ нашли надпись, изъ которой узнали, что капитанъ Захаровъ съ партіей отбылъ въ Россію 7 августа 1913 года.

Переночевавъ въ избушкѣ, 11 августа путники пошли по слѣдамъ, гдѣ Захаровъ съ командой тащили шлюпку, но, пройдя островъ Лечучина, увидѣли на берегу Новой Земли дымъ отъ костра, но около дыма никого не было видно.

Видимо, это была послѣдняя ночевка, и Захаровъ съ командой были уже за мысомъ противъ острова „Вильгельма“.

Такъ какъ инструкция, данная Г. Я. Сѣдовымъ, позволяла только въ предѣлахъ Архангельской губы задержать капитана Захарова, то Сахаровъ, Визе и Линникъ рѣшили возвратиться обратно на судно. Къ вечеру пришли опять къ избушкѣ. 12 августа встали въ 11 часовъ и послѣ чая стали собираться обратно къ судну. Къ полуночи пришли на судно.

Пока они путешествовали, оставшіеся на суднѣ убили 3-хъ большихъ медвѣдей.

Это дало возможность сдѣлать большой запасъ свѣжаго мяса.

15 августа экспедиція праздновала свою годовщину. Въ этотъ день 1912 года „Фока“ вышелъ изъ города Архангельска.

Послѣ богослуженія вахтеннымъ начальникомъ Пинегинымъ, былъ прочитанъ приказъ начальника экспедиціи относительно годовщины пребыванія въ полярныхъ странахъ и о производствѣ работъ экспедиціи за первый годъ.

Затѣмъ Г. Я. Сѣдовъ сказалъ рѣчь.

Какъ ни старался онъ скрыть свое огорченіе, но было видно, что говорилъ онъ съ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ.

— „Мы не могли и не въ силахъ были попасть на Землю Франца Іосифа,—говорилъ онъ.—Но, несмотря на постигшую насъ неудачу, мы все же не сидѣли сложа

руки и произвели множество работъ, хотя и побочныхъ для экспедиціи, но зато цѣнныхъ для науки и отечества“.

Несмотря на праздникъ, вечеромъ матросы ходили въ бухту, откуда взяли весь инструментъ по распиловкѣ льда, такъ какъ было рѣшено начать пилить ледъ отъ самаго судна, чтобы освободить его отъ ледяной западни.

Такъ какъ и у судна распиловка льда поддавалась очень плохо, то рѣшили ледъ около „Фоки“ взрвать.

Продолбили ледъ спереди судна и спустили снарядъ въ 10 ф. пороха, чтобы освободить якорную цѣпь и выкатать якорь. Когда послѣдовалъ взрывъ, то судно сильно вздрогнуло, а 5-ти аршинный ледъ, не далъ даже трещины.

Такъ что все возможное для освобожденія судна было использовано и безъ всякаго успѣха.

Оставалось одно—сидѣть и ждать, когда сама природа придетъ на помощь.

А такъ какъ надежды на помощь природы было мало, то экспедиція начала готовится на 2-ю зимовку у Панкратьевыхъ острововъ.

Командѣ было поручено собирать плавникъ. Начали подвозить также къ судну бревна отъ дома, выброшенные въ сентябрѣ 1912 года, когда „Фока“ сидѣла на мели.

Однако, судьба сжалилась надъ экспедиціей и вновь зимовать у Панкратьевыхъ острововъ не пришлось.

Вѣтеръ, дождь и теплая погода могли бы привести большую пользу для экспедиціи. Ледъ могло бы скорѣе вынести.

Поэтому дождь и сильный вѣтеръ, дувшій всю ночь на 20 августа, радовалъ участниковъ экспедиціи.

— „Авось, этотъ дождь принесетъ намъ счастье“, — говорили они.

Ожиданія ихъ оправдались. Дождь и вѣтеръ сдѣлали свое дѣло.

21 августа одинъ изъ матросовъ замѣтилъ, что ледъ начинаетъ медленно отходить. Объ этомъ радостномъ событіи онъ немедленно доложилъ Г. Я. Сѣдову. Всѣ высыпали на палубу и съ дѣтской радостью, а нѣкоторые со слезами радости на глазахъ приветствовали освобожденіе судна.

Г. Я. Сѣдовъ сейчасъ же, не теряя минуты, приказалъ собираться въ путь.

Визе въ сопровожденіи матроса Пустошного отправились за Павловымъ и матросомъ Линникомъ, которые еще 18 августа отправились на самыя высокія горы на ледяномъ покровѣ.

— „Слава Богу“, — воскликнулъ матросъ Линникъ, услышавъ объ освобожденіи судна отъ льда.

— „Наконецъ то мы можемъ выбратъся съ насиженнаго мѣста,“—вторилъ ему Павловъ.

Быстро собрались и отправились на судно. Къ 4 часамъ были уже на „Фокъ“, гдѣ спѣшно готовились къ отбытію на Землю Франца Іосифа.

Г. Я. Сѣдовъ написалъ записку на 4 языкахъ: русскомъ, англійскомъ, французскомъ и вѣмецкомъ о томъ, что экспедиція уходитъ на Землю Франца Іосифа. Эту записку запаяли въ жестяную коробку, которую подвѣсили на знакъ, сдѣланномъ на берегу.

Въ 8 часовъ вечера, послѣ спуска флага произвели молитву.

Былъ прочитанъ приказъ Г. Я. Сѣдова объ отходѣ на Землю Франца Іосифа и о началѣ осуществленія желанной цѣли.

Послѣ этого выкатали якорь и стали пробиваться впередъ.

— „Богъ въ помощь“.—

Прошли около 2 верстъ и стали ждать разсвѣта.

II.

Путь до Земли Франца Іосифа. На мысѣ Св. Флора. Остановка на 2-ю зимовку.

Въ первые дни плаванія отъ Новой Земли къ Землѣ Франца Іосифа, „Фокъ“ то и дѣло приходилось останавливаться изъ за густого льда.

Уже на другой день послѣ выхода съ мѣста зимовки, а именно 22 августа удалось пройти впередъ не больше 50 сажень, такъ какъ впереди со всѣхъ сторонъ стояли огромныя ледяныя поля, черезъ которыя пробиться было совершенно невозможно. Занесли ледяной якорь и простояли въ такомъ положеніи 2 дня—22 и 23 августа. Пробовали распиливать и растаскивать слои льда, но успѣха, отъ этого не получалось. Рѣшено было ждать вѣтра, который сможетъ раздвинуть лды.

Наконецъ, 24 августа, съ 4 часовъ утра подняли 4 паруса и на парусахъ, и съ помощью машины начали пробиваться впередъ. Пришлось 4 раза ронять и поднимать паруса, въ виду того, что парусами относило въ сторону, гдѣ не было прохода. Съ обѣда стали напирать на берегъ льды, а вмѣстѣ съ ними и судно.

По распоряженію Г. Я. Сѣдова, отдали якорь и этимъ самымъ спасли судно, такъ какъ благодаря лишь якорю судно не очутилось на мели, на которую его усиленно напирала льды.

Къ вечеру вѣтеръ перемѣнился, выкатали якорь, подняли паруса и стали двигаться впередъ, и къ 10 часамъ вечера вышли на открытую воду. Прежде всего отправились къ избушкѣ на Б. Заячьемъ островѣ, чтобы сдѣлать складъ. Утромъ, 25 августа сгручили въ норвежскую избушку запасъ провизіи и двѣ винтовки съ патронами и направились въ ю.-в. направленіи, сбходя льды.

Слѣдующій день, 26 августа, также шли подъ парусами тѣмъ же курсомъ. Къ 4 часамъ ледъ обошли, опустили паруса и направились къ Землѣ Франца Іосифа съ курсомъ на С. Погода стояла хорошая, былъ легкій вѣтеръ.

Однако, чистымъ моремъ пришлось итти недолго.

На слѣдующій день, 27 августа, пройдя 25 миль, встрѣтили полосу океанскихъ льдовъ.

Вошли во льды и стали пробираться впередъ. Къ счастью, льды, хотя и были большіе, но рѣдкіе и ходъ судна задерживали мало.

Все время на суднѣ шла работа по распиловкѣ бревенъ отъ бани на дрова, такъ какъ угля было уже совсѣмъ мало. Баню начали пилить, скрѣпя сердце, такъ какъ это было послѣднее строеніе, взятое изъ Архангельска.

Срубъ для дома, срубъ для сарая, взятые изъ Архангельска, уже были израсходованы.

Такимъ образомъ, на Землю Франца Іосифа не удастся довести ни одного строенія и оставить тамъ на память объ экспедиціи.

— „Жалко—говорили участники экспедиціи, распиливая бревна,—да дѣлать печ.го“.

Всѣ дни 28, 29 и 30 августа то шли медленно пробираясь во льду, то стояли на ледяномъ якорѣ.

30 августа вышли всѣ напиленные изъ бани дрова и въ топкѣ въ качествѣ топлива стали жечь ворвань. Сожгли двѣ бочки.

Между тѣмъ, до Земли Франца Іосифа оставалось еще 85 миль.

— „Придется жечь вторую палубу“,—говорилъ Г. Я. Сѣдовъ...

31 августа, въ 6 ч. 20 м. утра къ общей радости увидѣли берегъ долгожданной Земли Франца Іосифа.

— „Теперь ужъ близко“.

Въ 2 часа кончилась полоса льдовъ, „Фока“ вышелъ въ открытое море и быстро пошелъ впередъ.

Въ 8 ч. 20 м. вечера прибыли къ мысу Флоры и „Фока“ бросилъ якорь на глубинѣ $3\frac{1}{2}$ сажень.

Вся команда поднялась на мостикъ и поздравила Г. Я. Сѣдова съ приходомъ на желанн.е мѣсто и прокричали „ура“, затѣмъ всѣ были позваны въ салонъ, гдѣ Г. Я. Сѣ-

довъ сказалъ рѣчь и поздравилъ всѣхъ съ близкимъ осуществленіемъ задачъ экспедиціи.

По такому торжественному случаю подали шампанское. Это былъ счастливый день экспедиціи.

— „Правда, оно дали га годъ, — шутили члены экспедиціи, — а все-таки пришли“.

На другой день съѣхали на берегъ къ постройкамъ экспедиціи Джексона. Тутъ оказалось 4 строенія, изъ которыхъ 2 жилихъ дома, хотя и полуразрушенныхъ и 2 амбара. Стали осматривать припасы, оставленные экспедиціями англійской Джексона и итальянской герцога Абрुцкаго. Все оставленное было разбросано по разнымъ мѣстамъ. Очевидно, это была работа медвѣдей. Здѣсь нашли также около 150 пудовъ угля и плавникъ.

Послѣдняя находка очень обрадовала Г. Я. Сѣдова, такъ какъ онъ предполагалъ на суднѣ подвинуться еще сѣвернѣе, а топливо на „Фокъ“ уже все вышло.

Съ ранняго утра 2 сентября команда приступила къ погрузкѣ угля съ берега на судно, а Г. Я. Сѣдовъ и докторъ Кушаковъ отправились на охоту и въ короткій срокъ убили 21 моржа.

4 сентября на берегу установили крестъ съ надписью: „Expedition Leit Sedora 1914“, къ кресту прикрѣпили запаенную банку съ запиской Г. Я. Сѣдова.

Въ 7 часовъ вечера снялись съ якоря и направились въ Британскій каналъ дальше на сѣверъ.

Когда „Фока“ проходилъ мысъ, всѣ выстроились на палубѣ, сняли шапки и былъ данъ изъ пушки салютъ въ три выстрѣла въ честь невозвратившихся трехъ спутниковъ, провожавшихъ полюсную партію экспедиціи герцога Абруцкаго.

Простоявъ всю ночь на 5 сентября на ледяномъ якорѣ, въ 3 ч. утра двинулись дальше и къ полудню встрѣтили непроходимые льды. Пришлось измѣнить курсъ и въ 8^{1/2} ч. вечера вблизи островка вновь стали на ледяной якорь. 6 сентября въ 4 часа утра снялись съ ледяного якоря и пошли искать удобнаго мѣста для зимовки, т. к. дальнѣйшему ходу мѣшали льды. Къ тому же топлива для котла почти не было. Вошли въ бухту, названную Тихой у острова Гупера, и почти у самаго берега стали на якорь. Здѣсь рѣшили зазимовать. Съ кормы, съ носа и съ гротъ-мачты занесли, закрѣпили за камни стальные и пеньковые тросы.

Въ день Рождества Пресвятой Богородицы, 8 сентября, послѣ богослуженія былъ прочитанъ приказъ Г. Я. Сѣдова относительно труднаго перехода во льдахъ почти безъ топлива и о началѣ зимовки.

Началась будничная жизнь.

Между прочимъ, большое безпокойство причиняли собаки. Онѣ все больше и больше паршивѣли. Тѣсное помѣщеніе въ кубрикѣ, гдѣ помѣщались собаки, усиливало болѣзнь. Поэтому устроили для собакъ новый брезентовый шалашъ на палубѣ.

Кромѣ того, не успѣли прійти на Землю Франца Иосифа, какъ пропали одна за другой 3 собаки, разорванныя остальными собаками.

Къ счастью, пропали не сибирскія собаки, а архангельскія, которыя хотя и представляли цѣнность для экспедиціи, но не очень большую.

Неоднократно приходилось охотиться и на медвѣдей.

Такъ, 4 октября, когда выпустили собакъ на прогулку, то онѣ сейчасъ же съ лаемъ понеслись по направленію на востокъ, куда также ушелъ Г. Я. Сѣдовъ съ докторомъ. Оказалось, что собаки „учуяли“ медвѣдя, котораго Г. Я. Сѣдовъ убилъ 2-мя выстрѣлами.

8 октября скрылось солнце, наступила длинная полярная ночь.

Солнце вновь покажется не раньше половины февраля 1914 года.

10 октября поставили крестъ на астрономическомъ пунктѣ, опредѣленномъ Г. Я. Сѣдовымъ.

На крестѣ слѣдали надпись: „Expedition Leit Sdetova. Astron m point 1913, 1914.“

9 декабря наступилъ переломъ зимы. Съ этого дня долженъ былъ увеличиваться день.

— „Скоро будетъ по утрамъ заря, — радовались участники экспедиціи, пройдетъ утомительная длинная полярная ночь.“

Началась подготовка къ отправкѣ полярной партіи къ самому интересному переходу въ жизни экспедиціи.

III.

Подготовка къ отправкѣ полярной партіи.

Съ декабря мѣсяца началась подготовка къ отправкѣ полярной партіи.

Выяснилось, что съ Г. Я. Сѣдовъ къ полюсу пойдутъ матросы Ливникъ и Пустошный.

Однажды вечеромъ, послѣ молитвы всѣ были позваны въ салонъ, гдѣ вахтеннымъ начальникомъ Павловымъ былъ прочитанъ приказъ начальника экспедиціи объ освобожденіи матросовъ Ливника и Пустошнаго отъ всѣхъ судовыхъ работъ и назначеніи усиленнаго питанія.

10 декабря состоялось совѣщаніе участниковъ экспедиціи.

Было окончательно рѣшено оборудовать нарты и каяки къ полюсу.

Для каяковъ рѣшено сшить предохранительные парусиновые чехлы, а увязку нартъ устроить какъ можно проще, крѣпче, быстрее, и, главное, какъ можно легче.

Работа по подготовкѣ къ полюсной экскурсіи шла весело.

Съ 12 декабря матросы Линникъ и Пустошный начали примѣрять и мѣтить упряжь для собакъ, а матросъ Шестаковъ началъ шить чехлы для каяковъ.

Г. Я. Сѣдовъ выработалъ болѣе простой способъ для запряжки и выпряжки собакъ въ пути, а также рѣшилъ самыхъ худшихъ собакъ пустить въ передовой нартъ безъ каяка, вторыя двѣ нарты съ каяками рѣшено назвать „Лыдинка“ и „Ручеекъ“.

Но среди дружной, веселой работы было немало огорченій.

Такъ, 16 декабря заболѣлъ еще одинъ матросъ.

Это уже пятый больной и для снаряженія полюсной партіи осталось изъ команды только трое.

19 декабря неожиданно заболѣлъ Г. Я. Сѣдовъ. У него стали болѣть ноги.

Это была совсѣмъ непріятная и нежелательная новость.

За два дня до Рождества судьба порадовала путешественниковъ.

22 декабря вечеромъ 4 выпущенныхъ собаки съ лаемъ понеслись отъ судна по направленію къ югу. Сейчасъ же побѣжали къ тому мѣсту съ винтовками художникъ Пинегинъ и больной Г. Я. Сѣдовъ. Собаки окружили медвѣдя, котораго сейчасъ же убили и вскорѣ привезли на судно.

— „Это желанный для насъ гость, — говорили на Фокъ“ такъ какъ къ Рождеству вмѣсто стараго моржевого мяса будетъ „полярная телятина“

Празднованіе Рождества Христова прошло въ уныломъ настроеніи, въ виду плохого состоянія здоровья Г. Я. Сѣдова, а также больныхъ механика и двухъ изъ команды Коршунова и Ксеноплева.

Новый годъ встрѣтили немного веселѣе Рождества, такъ какъ Г. Я. Сѣдовъ чувствовалъ себя много лучше.

Послѣ праздниковъ работы по снаряженію полюсной партіи пошли болѣе интенсивно.

15 января приготовили составъ воска-парафина и глицерина для заливки каяковъ въ случаѣ ихъ починки въ пути.

16 января раскинули на льду палатку, перешитую для путешествія, которую осмотрѣлъ Г. Я. Сѣдовъ. Все переѣланное оказалось вполне годнымъ въ пути.

18 января была подшита полотняная простыня къ спальному мѣшку для предохраненія отъ вытиранія шерсти. Однимъ словомъ, снаряженіе было почти готово за исключеніемъ мелочей.

— „Прискорбно лишь то, что начальнику экспедиціи хотя и лучше, все таки здоровье его неважное“, — сожалѣли участники экспедиціи.

Съ собаками было тоже не совсѣмъ благополучно. Изъ 24 собакъ болѣе подходящихъ оказалось только 11, что меньше пугало отправляющихся къ полюсу, гораздо болѣе беспокоила болѣзнь Г. Я. Сѣдова.

Наконецъ, къ 30 января было все готово.

При подробномъ расчетѣ получилось, что провизію для себя, предполагаемую на 4 мѣсяца, можно въ случаѣ надобности растянуть до 10 мѣсяцевъ, кормъ же для собакъ, считая нѣкоторыхъ собакъ на мясо, также можно растянуть на 8 мѣсяцевъ. Кромѣ всего, у полюсной партіи было много патроновъ и ножей. Такъ какъ будущія полярныя экспедиціи могутъ брать съ экспедиціи Г. Я. Сѣдова кое-какія практическія свѣдѣнія, то весьма полезно указать, что взяла съ собой полюсная партія. Вотъ полный списокъ всего распределеннаго отдѣльно на каждую парту. По этому списку всегда можно было быстро найти понадобившееся, такъ какъ особой мѣткой въ списокъ было помѣчено, въ какихъ частяхъ, въ носу или въ кормѣ, или въ серединѣ на партѣ находится тотъ или другой предметъ.

Нарта № 1 „передовая.“

Бульонъ Скорикова — 30 ф., сухарей норвежскихъ — 1 п., галетъ съѣстныхъ — 30 ф., печенья мясного — 5 ф., сала малороссійскаго — 20 ф., шоколаду смѣси — 20 ф., сахару — 10 ф., чаю — $\frac{1}{2}$ ф., какао — 4 ф., соли — 2 ф., экстракту клюквеннаго — $\frac{1}{2}$ б., спирту денатурированнаго для „Примуса“ — $2\frac{1}{2}$ б., керосину — 1 п., свѣчъ стеариновыхъ — 5 ф., муки Нестле — 2 банки., консервирован. молока Нестле — 2 банки., галетъ для собакъ — 7 п., палатки съ приборомъ, ящикъ съ „Примусомъ“ и мелочью.

Одно мѣсто съ вещами Г. Я. Сѣдова, въ немъ же глазныя капли, восковой пластырь и перевязочные предметы, нимы и бурки съ сѣномъ,

Нарта № 2 съ каякомъ „Льдинка“.

Бульонъ Скорикова—1 п. 10 ф., сухарей норвежскихъ—1 п. 20 ф., галетъ съѣстныхъ—20 ф., печенья мясного—20 ф., сала малороссійскаго—30 ф., шоколаду смѣси—30 ф., сахару—15 ф., чаю— $\frac{1}{2}$ ф., какао—4 ф., соли—3 ф., фруктовъ сушеныхъ—5 ф.

Одинъ мѣшокъ съ платьемъ Линника, въ немъ же 2 бут. рому и одна бутылка коньяку.

Керосину 1 пудъ., спичекъ запаянныхъ—3 мѣста, запасныхъ патроновъ—1 мѣсто., муки Нестле—4 банки, молока—1 банка, дробовое ружье, запасный спиртъ для „Примуса“—5 бут., галетъ для собакъ—5 пуд., одна винтовка, запасная смѣна сапогъ, монпансье—1 фун., сапоги Г. Я. Сѣдова, кирка, лыжи, магниты, секстантъ, помпа, ножи, бурки Линника, парусъ для каяковъ. Всего до 24 пудовъ.

Нарта № 3 съ каякомъ „Ручеекъ“.

Бульонъ Скорикова—2 пуда., сухарей норвежскихъ—1 пуд. 20 ф., галетъ съѣстныхъ—30 ф., печенья мясного—30 ф., сала малороссійскаго—1 пудъ., шоколаду смѣси—1 пудъ., сахару—15 ф., чаю— $\frac{1}{2}$ ф., какао—8 ф., кофе—2 ф., соли—3 ф., зелени сушеной $2\frac{1}{2}$ ф., фруктовъ сушеныхъ—5 ф., одно мѣсто съ платьемъ Пустошного, въ немъ же одна бутылка рому, 1 бутылка коньяку и 1 бут. клюквеннаго экстракту, керосину—1 п., муки Нестле—4 банки, молока—1 банка запасныхъ патроновъ одно мѣсто, галетъ для собакъ—4 п., спички и огниво, веревки три мѣста, инкзинаторъ одно мѣсто, помпа, топорикъ, мѣшокъ спальный, весла, всего до 23-хъ пудовъ.

Затѣмъ былъ выработанъ расходъ продовольствія въ пути на одного человѣка, а именно: печенья мясного по 2 штуки въ день, сахару на день 2 кусочка, сала малорос. на день $\frac{1}{4}$ фунта, шоколаду на день $\frac{1}{4}$ фун., чай по аппетиту, бульонъ—тоже, сухарей на день $\frac{3}{4}$ фунта, экстрактъ и соль съ расчетомъ, и на 8 дней одинъ фунтъ какао на всѣхъ трехъ.

31 января всѣ отправляющіеся были обмундированы Сѣдовъ чувствовалъ себя больнымъ.

— „Останьтесь еще 2—3 дня на суднѣ“, говорилъ Кушаковъ.

— „Ничего, поправляюсь въ дорогѣ“,—отвѣчалъ Г. Я. Сѣдовъ.

На 1 февраля былъ назначенъ отходъ полюсной партіи.

Поднялся сильный ураганъ.

— „Дай Богъ поменьше такихъ выюгъ въ дорогѣ, такъ какъ все же онѣ будутъ намъ препятствовать, а главное, пагубно отзываться на собакахъ,“ — говорилъ Г. Я. Сѣдовъ.

Къ вечеру выюга стала стихать и рѣшили завтра съ Божьей помощью двинуться въ путь.

2 февраля встали въ 3 часа утра. Морозъ до 28 гр. Запрягли собакъ, подняли флаги и всѣ ушли въ салонъ на богослуженіе, послѣ чего былъ прочитанъ приказъ Г. Я. Сѣдова о производствѣ остающихся работъ и объ управленіи судномъ на стоянкѣ и въ плаваніи, и о томъ, что дѣлать, если онъ къ августу мѣсяцу не возвратится. За начальника оставленъ П. Г. Кушаковъ, а въ плаваніи М. Н. Сахаровъ и между прочимъ сказано, что всѣ важные вопросы рѣшать совѣтомъ офицеровъ. Затѣмъ были произнесены рѣчи.

Г. Я. Сѣдовъ и докторъ Кушаковъ заплакали.

Послѣ обѣда въ 12 часовъ дня двинулись въ путь, всѣ провожали около шести верстъ и затѣмъ, простившись еще разъ разстались.

На „Фокѣ“ жизнь потекла однообразно. Зато много интереснѣе пережитое участниками полюсной партіи.

IV.

На пути къ сѣверу.

Путь на сѣверъ полюсной партіи протекалъ при невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ. Морозъ доходилъ до 40 градусовъ. По дорогѣ то и дѣло встрѣчались ропаки поставленные ребромъ льдины, встрѣчались и цѣлыя ледяныя горы. Собаки также причиняли немало безпокойства. Сплошь и рядомъ ночью Линнику или Пустошному, заслышавъ лай собакъ, приходилось вылѣзть изъ спальнаго мѣшка и выходить изъ палатки, чтобы прекратить драку и спасти отъ смерти ту или иную болѣе слабую собаку.

Но всѣ эти невзгоды и лишенія мало угнетали путешественниковъ. Было нѣчто другое, что причиняло безпокойство, и мысли, о чемъ по дергали въ уныніе матросовъ Линника и Пустошнаго—это болѣзнь Г. Я. Сѣдова.

Еще на «Фокѣ» многіе члены экспедиціи отговаривали Г. Я. Сѣдова идти къ полюсу, а Пинегинъ прямо сказалъ: „Если бы я былъ врачомъ, я связалъ бы Сѣдова и не пустилъ его“.

Но настойчивость Г. Я. Сѣдова тогда шла вопреки разсудку. На отговоры не отираваться къ полюсу Г. Я. Сѣдовъ отвѣчалъ:

— «Вы, господа, не думайте, что насъ постигнетъ несчастье. Всѣ сознаемъ, куда мы идемъ. Первая же зимовка дала намъ такой опытъ, который ручается за много».

Не успѣла полюсная партія отойти на порядочное разстояніе отъ „Фозы“, какъ матросамъ стали исполнѣ понятны настойчивыя просьбы членовъ экспедиціи не ходить на полюсъ. Впрочемъ Г. Я. Сѣдовъ сумѣлъ внушить какъ Линнику, такъ и Пустошному, что болѣзнь у него не опасная и скоро должна пройти.

— „Вотъ и идемъ до мѣста зимовки герцога Абруцкаго,—тамъ отлежусь,—утишалъ себя и матросовъ Г. Я. Сѣдовъ.

Тѣ дни, когда Г. Я. Сѣдовъ чувствовалъ себя не совсѣмъ плохо, матросы радовались и говорили:

— «Слава Богу, здоровье начальника не ухудшается». Впрочемъ за все время путешествія полюсной партіи такихъ дней было немного, такъ какъ здоровье Г. Я. Сѣдова систематически ухудшалось.

Благодаря плохому состоянію здоровья Г. Я. Сѣдова полюсная партія проходила не больше 15—17 верстъ въ день. Особенно тяжело было идти Г. Я. Сѣдову съ больной грудью, когда дулъ при сильномъ морозѣ въ 30—40 градусовъ сильный вѣтеръ.

— «Ити мнѣ очень тяжело»,—жаловался Г. Я. Сѣдовъ.

Но когда однажды Линникъ, видя, какъ страдаетъ его начальникъ, заикнулся о возвращеніи на судно, Г. Я. Сѣдовъ рѣзко оборвалъ разговоръ.

— «Нѣтъ, Линникъ, этого не будетъ. Разъ мы пошли, то должны сдѣлать свое дѣло».

Однако, на седьмой день послѣ выхода съ судна, а именно 9 февраля, послѣ ночевки, когда полюсная партія отправилась дальше на сѣверъ, Г. Я. Сѣдовъ прошелъ только 2 версты. Ити дальше онъ не могъ: боль въ груди усилилась. Сѣдовъ сѣлъ на нарту, въ которую запрягли 10 собакъ. Впереди вмѣсто Сѣдова пошелъ Линникъ, а другой матросъ Пустошинъ шелъ сзади, сопровождая нарты.

Это былъ печальный день для полюсной партіи, хотя они и не теряли надежды на выздоровленіе Г. Я. Сѣдова.

— „Это совсѣмъ непріятная для насъ исторія,—говорили между собою матросы, такъ какъ въ Теплицъ-Баѣ, на зимовкѣ герцога Абруцкаго придется много больше прожить, чѣмъ предполагали для поправленія здоровья начальника“.

Впрочемъ ихъ радовало то, что они все же подвигаются впередъ. Такъ въ этотъ же день они перевалили 82⁰ сѣв. широты и прошли мѣсто зимовки Нансена съ Югансеномъ.

— «Начальникъ боленъ окончательно», — сказалъ, вылезая изъ спального мѣшка Линникъ Пустошному — 10-го февраля.

Линникъ все время шелъ впереди, выбирая дорогу, среди безобразно наставленныхъ ропаковъ. Путь былъ не легокъ, такъ какъ приходилось черезъ ропаки проводить по одной нартѣ и Г. Я. Сѣдову въ это время приходилось идти, что для него было невыносимо тяжело. При такой ужасной тяжелой дорогѣ собаки стали уставать. Въ тотъ день пришлось раньше времени стать лагеремъ.

13 февраля стало нѣсколько теплѣе. Морозъ съ 40° упалъ до 16.

Въ 9-мъ часу утра вышли въ путь, но вслѣдствіе сильнаго тумана съ пути сбились и попали къ какимъ-то островкамъ, или же въ проливъ, а когда туманъ разсѣялся, опредѣлили вѣрный путь и стали лагеремъ. Прошли всего не больше 5 верстъ. Когда разбили палатку, то сейчасъ же къ остановкѣ приперся медвѣдь.

— „Пойдемъ за медвѣдемъ, — сказалъ Линнику Сѣдовъ, и на всѣ просьбы Линника не ходить на охоту за медвѣдемъ, такъ какъ это вредно повліяетъ на состояніе здоровья Сѣдова, онъ былъ неумолимъ и во что бы то ни стало хотѣлъ убить медвѣдя.

Когда версты за двѣ отъ палатки охотники подошли къ медвѣдю, загнанному собаками въ прорубь, сдѣланную моржемъ, то оказалось, что винтовка не стрѣляетъ, такъ какъ замерзъ затворъ.

Но это было не такъ важно. Самымъ непріятнымъ было то, что обратно къ палаткѣ Г. Я. Сѣдовъ идти уже не могъ и Линнику пришлось отправиться къ палаткѣ за нартой.

Сѣдову же для защиты отъ медвѣдя Линникъ оставилъ свой ножъ, хотя Г. Я. Сѣдовъ былъ настолько слабъ, что врядъ ли смогъ бы въ случаѣ надобности защищаться. Линникъ въ непроницаемой тѣмѣ отправился искать палатку. Когда Линникъ возвращался съ собаками, то едва едва нашелъ Г. Я. Сѣдова. Онъ сдѣлалъ два выстрѣла изъ отогрѣтой винтовки. Г. Я. Сѣдовъ отозвался слабымъ крикомъ.

Такъ неудачно окончилась охота, для здоровья же Г. Я. Сѣдова охота была роковой. Послѣ нея здоровье его еще больше ухудшилось.

На другой день, 14 февраля, въ 9 часовъ утра двинулись дальше, но удалось пройти не болѣе трехъ верстъ, такъ какъ вслѣдствіе сильнаго снѣга и тумана не было никакой возможности ориентироваться. Рѣшили ждать лучшей погоды. Впереди по курсу была видна открытая вода. Благодаря туману было трудно опредѣлить, что это — про-

ливъ къ землѣ кронпринца Рудольфа, или же открытый океанъ.

Послѣдній былъ особенно нежелателенъ, такъ какъ необходимо было сдѣлать продолжительный перерывъ путешествія для поправленія здоровья Сѣдова, а для этой цѣли рѣшили остановиться на мѣстѣ зимовки герцога Абрущкаго.

Во время остановки Линникъ и Пустошный осмотрѣли каяки, изъ которыхъ одинъ поломался. Явилась необходимость до спуска въ воду отремонтировать его.

15 февраля встали въ 4 часа утра. Такъ какъ спали всѣ трое въ одномъ мѣшкѣ, то, чтобы не стѣснять Г. Я. Сѣдова, Линникъ и Пустошному приходилось спать въ мѣшкѣ только короткое время. Къ 5 часамъ попили какао. Г. Я. Сѣдовъ выпилъ только одну чашку раведенной въ водѣ муки Нестле и опять легъ въ мѣшокъ. Въ 8 часовъ утра Пустошный взобрался на островокъ и увидѣлъ землю. Стали сейчасъ же собираться въ путь и къ 9 часамъ утра уже были въ ходу. Но, пройдя не болѣе одной версты увидѣли со всѣхъ сторонъ совсѣмъ свѣжій ледъ. Толщина льда не превышала двухъ вершковъ. Линникъ пошелъ впередъ. Ледъ выдерживалъ его. Когда за нимъ была пущена нарта съ каякомъ безъ Г. Я. Сѣдова, то она не прошла и пяти саженъ, какъ ледъ подъ ней провалился. Мигомъ Линникъ и Пустошный подбѣжали къ нартѣ и стали тащить нарту за собачью упряжь въ сторону, но вода, выходя навверхъ, способствовала быстрой ломкѣ льда и не давала возможности подойти близко къ нартѣ и выпрячь собакъ. Вскорѣ собакъ освободили и и вдругъ неожиданная радость: какъ, нагруженный болѣе, чѣмъ 20-ю пудами и пробитый въ вѣсколькихъ мѣстахъ, благодаря предохранительному напуску — новому чехлу и напловину не погрузился въ воду. Тогда Линникъ сталъ тянуть нарту за шлейки, а Пустошный проламывать ледъ, чтобы повернуть нарту въ обратную сторону, и когда все было сдѣлано, то оба матроса взяли за упряжь и выдернули нарту на ледъ.

Отойдя отъ этого мѣста на болѣе прочный ледъ стали лагеремъ. Путь кругомъ одинъ и тотъ же. Въ видѣ этого рѣшили стоять день или два, пока ледъ окрѣпнетъ настолько, чтобы могъ выдержать тяжесть нартъ.

Здоровье Г. Я. Сѣдова не обѣщало ничего хорошаго. Къ болямъ въ груди прибавилась боль въ ногахъ. Когда Пустошный растиралъ спиртомъ Г. Я. Сѣдову ноги, то увидѣлъ, что на ногахъ появилась сыпь. Аппетита у Сѣдова не было никакого.

— «Что будетъ дальше, а пока дѣло неважно», — говорили между собою матросы. — Хоть бы скорѣе добраться

до мѣста зимовки герцога Абруцкаго, гдѣ можно будетъ прожить недѣлю—другую въ надеждѣ на лучшее».

Къ тому же на мѣстѣ зимовки герцога Абруцкаго долженъ быть запасъ керосина котораго можно было бы взять для поддержки нормальной температуры въ помѣщеніи, которое предполагалось устроить для Сѣдова.

— «Пока что, а у насъ получилось не на словахъ, а на дѣлѣ, что сиди у моря и жди погоды».

— „Но, что подѣлаешь, отчаяваться нечего, важно и очень важно лишь одно, чтобы возможно скорѣе поправился нашъ начальникъ“.

Вечеромъ Г. Я. Сѣдову сварили компотъ и это вся его ѣда.

Близъ остановки была открытая вода, надъ которой летали цѣлыми стаями полярныя утки. Собаки словно бѣшенныя носятыя по льду. Изъ воды часто высовываютъ головы моржи и морскіе зайцы, которые также не давали собакамъ отдыха.

16 февраля встали въ 6 часовъ утра. Матросамъ много разъ ночью приходилось выходить изъ палатки на безпрерывный лай собакъ, такъ какъ многія собаки перегрызали веревки, которыми были привязаны и носились по льду за высовывающимися изъ воды моржами и морскими зайцами.

Къ полдню прояснилось и стала видна земля кронпринца Рудольфа. На короткое время показалось солнце, котораго путники не видѣли съ 8 октября 1913 года. Къ вечеру Линникъ и Пустошный обвязались веревками и на разстояніи 15 саж. другъ отъ друга пошли по льду, чтобы испытать его крѣгость. Линникъ шелъ впереди. Не прошли и 50 сажень, какъ Пустошный крикнулъ:

— „Ледъ подъ тобой гнется“.

Линникъ остановился и ударилъ палкой по льду, который съ одного удара пробился.

Стало ясно, что такой ледъ тяжести партъ, да еще съ больнымъ Г. Я. Сѣдовымъ не выдержать. Ждать же дальше были рискованно: въ случаѣ шторма ледъ, на которомъ полярная партія стояла лагеремъ, могъ поломаться и тогда путникамъ пришлось бы искать спасенія на болѣе крѣпкомъ льду, котораго по близости не было. Въ виду этого путешественники отправились въ восточную сторону. Пройдя около 7 верстъ, увидѣли, что походъ къ Землѣ Рудольфа возможенъ лишь съ юго-восточной стороны.

Матросы вернулись обратно къ палаткѣ и сказали Г. Я. Сѣдову, что самое лучшее для нихъ или же обойти съ востока къ землѣ, или же нѣсколько разъ переправиться черезъ воду на каякахъ, такъ какъ за одинъ или два раза

всего груза съ 24-мя собаками перевезти невозможно. Рѣшили на слѣдующій день двигаться дальше по льду.

17 февраля въ 8 часовъ утра двинулись дальше, но не успѣли пройти 10 верстъ, какъ Г. Я. Сѣдовъ, сидѣвшій на нартѣ, несмотря на то, что былъ одѣтъ въ мѣховой одѣждѣ, сталъ жаловаться на невыносимый морозъ. Пришлось остановиться, развязать переднюю нарту и достать спальный мѣшокъ, который разложили на нартѣ и въ него влѣзъ Г. Я. Сѣдовъ, спасаясь отъ холода. Но и это помогло мало. Прошли еще около трехъ верстъ. Сѣдовъ продолжалъ жаловаться на холодъ. Пришлось остановиться, разбить палатку и оттирать ноги Сѣдову спиртомъ, послѣ чего опять положили на нарту спальный мѣшокъ съ Г. Я. Сѣдовымъ и двинулись дальше.

— „Ну, Линникъ, мнѣ надо бороться съ болѣзнью“, — говорилъ Г. Я. Сѣдовъ.

Къ счастью дорога была очень хорошая и путники быстро подвигались впередъ.

— „Впередъ, только впередъ“, — бормоталъ Сѣдовъ.

Не дойдя до острова К. Рудольфа версты три Линникъ, шедшій впереди, сталъ сворачивать съ свѣжаго льда на старый, направляясь къ острову и на самомъ «стыкѣ» свѣжаго льда со старымъ, Линникъ провалился въ воду. Выкарабкавшись изъ воды, онъ пошелъ безъ всякой остановки дальше, въ надеждѣ дойти до берега.

Но до берега дойти не удалось. Пройдя еще около $\frac{1}{2}$ версты Линникъ оглянулся и увидѣлъ, что послѣдняя нарта, на которой лежитъ Г. Я. Сѣдовъ, стоитъ. Оказалось, что на поворотѣ мѣшокъ съ Г. Я. Сѣдовымъ съ нарты упалъ, а тяжело больной даже не чувствовалъ, что упалъ съ нарты и лежа на снѣгу въ мѣшкѣ спросилъ:

— «Линникъ, почему нарта стоитъ на мѣстѣ, а не движется впередъ?»

— „Вы упали съ нарты,“ — отвѣтилъ Линникъ.

Небольшая метель неожиданно превратилась въ настоящую вьюгу. Было рѣшено движеніе прекратить и тутъ же разбить палатку, къ которой подтащили мѣшокъ съ начальникомъ и онъ съ трудомъ влѣзъ въ палатку, гдѣ сейчасъ же начали растирать ноги спиртомъ. Съ этого дня Г. Я. Сѣдовъ настолько ослабѣлъ, что даже пересталъ записывать метеорологическія наблюденія, а также пересталъ писать свой дневникъ.

V.

Смерть Г. Я. Сѣдова.

— „Сегодня уже у меня начало зарождаться сомнѣніе въ успѣхѣ нашего предпріятія,“ — говорилъ Линникъ Пустош-

ному 18 февраля около часто впадавшего въ безсознательное состояніе Г. Я. Сѣдова.

— „А какъ сразу все хорошо было пошло и 40-ка градусные морозы для насъ были ничто, такъ какъ всѣ мы трое, во главѣ съ начальникомъ, отлично сознавали великое значеніе путешествія къ полюсу и также всѣ трое и мысли не допускали, что въ выносливости противъ бывшихъ до насъ путешественниковъ въ полярныхъ странахъ, мы окажемся слабѣе. Проклятая же болѣзнь можетъ измѣнить все дѣло“.

Стояла снѣжная буря, двигаться впередъ было невозможно, къ тому же здоровье Г. Я. Сѣдова было почти безнадежно. Матросамъ ночью не удалось уснуть ни одного часа, такъ какъ Г. Я. Сѣдовъ ежеминутно жаловался на ужасный холодъ въ ногахъ и невозможную тяжесть дыханія.

Когда Линникъ сварилъ чай, то почти со слезами уговаривалъ Г. Я. Сѣдова съѣсть двѣ чашки каши изъ молочной муки Нестле.

Кромѣ компота, свареннаго три дня тому назадъ, Г. Я. Сѣдовъ ничего не ѣлъ.

Послѣ ѣды Г. Я. Сѣдовъ опять залѣзъ въ мѣшокъ, но не прошло и часу, какъ Г. Я. Сѣдову вновь стало невыносимо тяжело дышать и онъ возобновилъ жалобы на холодъ.

Чтобы сдѣлать теплѣе въ палаткѣ, Линникъ зажегъ лампу Примусъ, а Пустошный пошелъ засыпать палатку снѣгомъ.

Какъ на зло стояла небывалая вьюга при 41^о мороза. Такихъ вьюгъ еще не бывало за все время путешествія. Линникъ, думая, что Г. Я. Сѣдовъ страдаетъ отчасти отъ недостатка питанія, сталъ предлагать ему чего либо поѣсть, но получалъ отказъ.

Наконецъ, Г. Я. Сѣдовъ согласился съѣсть что либо изъ консервовъ или коробку осетрины, или же коробку гороху. Пустошный пошелъ доставать эти консервы съ нарты. Онъ досталъ только осетрину, а гороху достать не могъ, такъ какъ работая при бѣшеной бурѣ съ морозомъ, у него пошла кровь изъ носа и изо рта, послѣ чего онъ залѣзъ въ палатку отогрѣваться. Линникъ сталъ разогрѣвать замерзшую баночку осетрины, и, когда ѣда была готова, то, не имѣя никакого понятія о болѣзни, а зная, что больнымъ иногда даютъ коньякъ, предложилъ Г. Я. Сѣдову рюмку коньяку для возбужденія аппетита.

Г. Я. Сѣдовъ выпилъ коньякъ. Емъ сразу стало плохо и его начало рвать. Къ счастью рвота скоро прошла и тогда Г. Я. Сѣдовъ изъявилъ желаніе съѣсть осетрины,

затѣмъ выпилъ чашку шоколаду и съ трудомъ залѣзъ въ спальный мѣшокъ.

Но холодъ въ палаткѣ не давалъ покоя и вскорѣ Г. Я. Сѣдовъ вылѣзъ изъ мѣшка и сѣлъ около горящаго Примуса, охая и тяжело дыша. Пульсъ уже нѣсколько дней бился у него отъ 100 до 120 разъ въ минуту.

Временами Г. Я. Сѣдовъ уже терялъ сознание.

Всю ночь съ 18-го на 19 февраля о снѣ никто не думалъ, такъ какъ ежеминутно Г. Я. Сѣдовъ терялъ сознание и метался во всѣ стороны, ища облегченія.

— «Все пропало, все пропало, — твердилъ временами Г. Я. Сѣдовъ, приходя въ сознание.

Матросы растирали спиртомъ грудь и ноги больному, но все это помогло мало.

— «Боюсь, чтобы все не окончилось печально, — говорилъ Линникъ Пустошному.

Бѣшеная выюга и морозъ ничуть не уменьшались, что приносило особенное страданіе и безъ того тяжело больному Г. Я. Сѣдову. Примусъ горѣлъ безъ остановки, сжигали до 10 фунтовъ керосина въ сутки и перерывъ горѣнія дѣлался только при наливаніи керосина въ Примусъ.

Начали уже жечь третій и послѣдній пудъ керосина, надѣясь все пополнить на зимовкѣ герцога Абруцкаго.

— «И не дай Богъ, — говорили между собою матросы, — если тамъ не окажется горючаго матеріала, такъ какъ тогда намъ не только не будетъ топлива къ полюсу, а самое для насъ страшное, — это то, что нечѣмъ будетъ поддерживать температуру для леченія больного нашего начальника».

— «Что будетъ дальше, не знаю, — а въ настоящую минуту дѣло очень и очень плохо, — писалъ въ дневникѣ одинъ изъ матросовъ.

Пустошный тоже сталъ жаловаться на тяжесть дыханія и тоже сидѣлъ и стоналъ.

Буря на дворѣ не переставала и несчастныя собаки метались изъ стороны въ сторону, ища спасенія отъ холода.

Когда утромъ, 19 февраля Пустошный вылѣзъ изъ палатки, чтобы покормить собакъ, то оказалось, что двѣ уже замерзли и нѣкоторыхъ ждетъ такая же участь. Отогрѣвать ихъ въ палаткѣ не хотѣли, что бы не беспокоить Г. Я. Сѣдова, который находился въ ней, въ виду его безнадѣжнаго состоянія.

Слѣдующая ночь прошла въ такомъ же безпокойствѣ.

Наступилъ роковой день 20 февраля.

Линникъ все время держалъ на рукахъ голову Г. Я. Сѣдова, который ежеминутно терялъ сознаніе. Лицо его было уже полумертвое.

Въ 12 часовъ дня, по желанію больного, сварили бульонъ изъ консервовъ Скарико а, но не пришлось Г. Я. Сѣдову ѣсть бульону. Не успѣли разогрѣть бульонъ, какъ у больного началась агонія.

Пустошный, стоя на колѣняхъ держалъ примусъ надъ грудью Г. Я. Сѣдова, а Линникъ поддерживалъ на рукахъ его голову.

Въ 2 часа 40 минутъ дня Сѣдовъ въ послѣдній разъ сказалъ:

— «Боже мой, Боже мой, Линникъ, поддержи голову.»

Голова, находившаяся на рукахъ Линника, склонилась, Г. Я. Сѣдовъ слегка захрипѣлъ и испустилъ послѣднее дыханіе.

— «Страхъ и жалость, овладѣли мною въ эту минуту», — рассказывалъ впослѣдствіи Линникъ. Никогда въ жизни не изладятся изъ моей памяти переживанія этого дня. Жалѣя въ душѣ близкаго человѣка, второго отца, начальника, минутъ 15 я и Пустошный молча глядѣли другъ на друга. Затѣмъ я снялъ шапку, прекрестился и, вынувъ чистый посовой платокъ, закрылъ глаза своего начальника. Первый разъ въ своей жизни я не зналъ, что предпринять и началъ дрожать отъ необъяснимаго страха. Отчаяваться было безумно, и когда жуткость перваго впечатлѣнія понемногу стала отходить, то я сейчасъ же велѣлъ Пустошному достать для насъ обоихъ мѣховые костюмы, сейчасъ же потушить Примусъ, такъ какъ керосинъ у насъ былъ на исходѣ. Рѣшилъ идти въ Теплицъ-Бай, къ мѣсту зимовки итальянской экспедиціи герцога Абрुцкаго для того, чтобы просушить вещи, подправить собакъ и обязательно взять керосина или чего либо горячаго, чтобы дойти обратно. Большую часть провизіи рѣшилъ оставить въ Теплицъ-Бай, чтобы скорѣе двигаться обратно. Тѣло же уже бывшаго нашего начальника рѣшаемъ везти на судно.»

Можно себѣ представить весь трагизмъ положенія Линника и Пустошнаго, оставшихся безъ вожака. Нитотъ, ни другой не умѣли работать съ секстаномъ и такимъ образомъ опредѣлить свое географическое положеніе и намѣтить правильно путь, чтобы вернуться на судно.

Несмотря на это, оба матроса блестяще вышли изъ такого затруднительнаго положенія.

Въ дневникѣ одного изъ участниковъ этихъ событий матроса Линника, мы находимъ слѣдующія записи о послѣдующихъ дняхъ:

21 февраля. Морозъ до 35°. Всю ночь, одѣвшись въ мѣховую одежду, прижались другъ къ другу и продрожали надъ трупомъ своего начальника, такъ какъ уснуть сколько нибудь не давалъ морозъ, а въ спальномъ мѣшкѣ тѣло начальника.

Въ 6 часовъ утра пили чай, у Пустошного сильный кашель, что въ Теплицъ-Бай также задержитъ насъ лишнихъ 2-3 дня. Тѣло своего начальника рѣшили во что бы то ни стало доставить на судно, такъ какъ дорогъ онъ былъ намъ всѣмъ одинаковъ. Во время питья чая я заплакалъ, взглянувъ на рядомъ лежащаго своего начальника, но уже не дающаго распоряженій, а мертваго.

Попили чай и сейчасъ же принялись за дѣло. Освободили 2 большихъ парусиновыхъ мѣшкѣ отъ провизіи и въ нихъ уложили тѣло начальника. Въ Теплицъ Бай поѣдемъ на двухъ нартахъ-каяхъ, третью же бросаемъ на мѣстѣ смерти начальника и также бросаемъ нѣкоторыя вещи. Въ Теплицъ-Бай или гдѣ либо на островѣ оставимъ половину всего груза, а если не найдемъ керосина, то придется хоронить и своего начальника. Завтра думаю идти дальше, если окажется, что мѣсто зимовки герцога Абруцкаго не далеко, то будетъ сносно, а если же нѣтъ, то съ тѣломъ начальника придется разстаться и безъ керосина идти обратно къ судну. За ночь еще одна собака околѣла и еще штукъ пять есть такихъ, которые еле-еле ходятъ. Когда открыли нарты, занесенныя снѣгомъ, собаки съ лаемъ понеслись къ морю. Смотримъ; не болѣе полуверсты отъ палатки медвѣдь, но охотиться за нимъ и не подумаемъ, такъ какъ съ потерей начальника вся работа валится изъ рукъ. Въ лицѣ начальника мы потеряли очень многое, и хотя у насъ есть инструменты, но опредѣлится астрономически мы не можемъ, и не дай Богъ намъ сбиться съ пути. Тогда намъ грозитъ неминуемая гибель. Но время холодовъ еще не ушло и будемъ надѣяться, что Богъ намъ поможетъ по стоячему льду добраться до судна. Палатку переставили на другое мѣсто. Тѣло начальника уложено на нарты.

VI.

Похороны Г. Я. Съдова.

Съ мрачнымъ настроеніемъ матросы Линникъ и Пустошный двинулись въ путь 22 февраля въ 6 часовъ утра, желая попасть въ Теплицъ-Бай на мѣсто зимовки экспедиціи герцога Абруцкаго. Здѣсь долженъ быть амбаръ и будка для метеорологической станціи. Здѣсь же, судя по дневнику одного изъ участниковъ итальянской экспедиціи,

найденному на мысѣ св. Флора должны быть керосинъ и провизія.

Была легкая метель. Изъ за тумана ничего не было видно. Половина собакъ, оставленныхъ безъ присмотра на морозѣ во время продолжительной остановки выбыла изъ строя. Одну нарту пришлось бросить, а въ остальные двѣ запрягли по 10 полузамученныхъ собакъ. На одной изъ нартъ было положено тѣло Г. Я. Сѣдова. Эта нарта вѣсила около 30 пудовъ. Вскорѣ пришлось къ этой же нартѣ прибавить еще двухъ собакъ отъ другой нарты, но и это не ускорило движенія. Къ 3 часамъ дня еле дотащились до Ледяного мыса и саженьхъ въ 300 и 400 отъ берега стали лагеремъ, такъ какъ, во первыхъ, старый ледъ кончается и начинается совершенно свѣжій ледъ, а во вторыхъ, измученныя собаки едва-едва ташили нарты. Разбили палатку, накормили сушенымъ мясомъ собакъ и пошли по-смотреть путь дальше. Но, пройдя не болѣе версты, пришли въ полное уныніе, такъ какъ передъ ними оказалась открытая вода и берегъ около этой воды оказался обрывистымъ концомъ глетчера до 20 сажень высоты. Впереди не было никакихъ признаковъ постройки экспедиціи герцога Абруцкаго.

При такой неудачѣ матросы повернули обратно въ палатку, гдѣ детально все обдумали и рѣшили сдѣлать такъ. Тѣло Г. Я. Сѣдова похоронить въ концѣ скалисто-обрывистаго и въ началѣ глетчернаго берега, расположеннаго на юго-западѣ, всю провизію и ношеную одежду бросить прямо на льду, всѣ же инструменты и приборы, въ виду ихъ цѣнности везти обратно на судно, но до перваго критическаго момента, и вообще взять съ собою всего необходимаго приблизительно на полтора мѣсяца и возможно скорѣе двигаться обратно къ судну, только на одной нартѣ, такъ какъ для двухъ нартъ уже не было собакъ. Къ тому же керосину осталось не больше 10 фунтовъ. Ради экономіи рѣшили чай варить одинъ разъ въ сутки.

— Что будетъ впереди, увидимъ,—писалъ Линникъ въ этотъ день въ своемъ дневникѣ, а теперь особенно непріятно хоронить всѣми по экспедиціи уважаемаго начальника на какомъ-то мало извѣстномъ намъ островѣ, гдѣ кромѣ снѣжныхъ бурь и полярнаго звѣря никогда никого не бываетъ. Но дѣлать нечего, такъ какъ и безъ того сегодня нарта съ тѣломъ начальника опрокидывалась много разъ, что производитъ непріятное впечатлѣніе, а доставка тѣла къ судну сопряжена съ большимъ рискомъ, въ виду того, что замерзшее тѣло начальника можетъ разбиться при ударахъ о какую-либо льдину, что я считаю много худшимъ, чѣмъ похоронить на неизвѣстномъ мѣстѣ.

Далѣе предоставимъ слова самому участнику событій Линнику. Никто какъ онъ лучше всего можетъ описать похороны своего начальника.

— 23 февраля, по случаю легкой метели—писалъ онъ въ дневникъ, встали въ 8 часовъ утра и по выходѣ изъ палатки я сейчасъ же велѣлъ вылѣзть изъ мѣшка Пустошному и браться за дѣло, не дожидаясь чая, такъ какъ варить сегодня ничего не будемъ. Сейчасъ же начали разрѣзывать и распаковывать нарты, послѣ чего на одну положили тѣло начальника, а на другую, отобранную для обратнаго пути провизію. Ради облегченія нарты, для собакъ беремъ не галеты, а сушеное мясо Скорикова, приготовленное для варки бульона, который мы за 20 дней пути къ полюсу варили только 4 раза, вслѣдствіе его негодности въ путешествіи. Тѣло своего начальника рѣшили хоронить въ мѣховой одеждѣ, въ которой онъ и умеръ, ничего съ него не снимая, кромѣ хронометрическихъ часовъ. Затѣмъ, вмѣсто гроба, который сдѣлать не изъ чего, рѣшили завернуть тѣло въ парусиновый мѣшокъ. А на могилѣ поставить крестъ, сдѣланный изъ лыжъ. Положеніе въ настоящій моментъ не поддается описанію. Весь остатокъ провизіи я бросаю прямо на льду, но тѣло своего начальника никогда не брошу и, несмотря на исходъ у насъ керосина, я же лучше буду мерзнуть до прихода на судно или же рискну и своимъ здоровьемъ, но постараюсь переждать всякую бурю и похоронить начальника на косогорѣ и рядомъ съ нимъ положить дорогой для всѣхъ насъ русскій національный флагъ, предназначавшійся для водруженія на самой дальней точкѣ нашего путешествія. Но, увы, мечты перваго русскаго полярнаго путешественника, рискнувшего своею жизнью, прославить родину завоеваніемъ открытія Сѣвернаго полюса или побитіемъ рекорда, не увѣнчались успѣхомъ. А вѣдь сколько было надеждъ и энергіи въ достиженіи желанной цѣли и все это рухнуло, благодаря злодѣйскъ-болѣзни и послѣдовательницѣ ея—смерти, которая сокрушила нашего начальника, а вмѣстѣ съ нимъ и все, чѣмъ, могли мы, т. е. наша экспедиція погордиться. Завтра будемъ хоронить своего начальника.

24-го февраля. Встали въ 5 часовъ утра и безъ всякой ѣды принялись за приготовленіе къ похоронамъ. Сама даже природа сочувствовала нашему горю, установивъ хотя холодный съ 35-ю градуснымъ морозомъ, но зато тихій и ясный день. Сейчасъ же по выходѣ изъ палатки, впряглись оба въ нарты, на которой было положено тѣло нашего начальника. Взяли сдѣланный мною изъ лыжъ крестъ, кирку для добыванія камня, молотокъ для щебня и русскій національный флагъ на складной мѣдной трубкѣ, на которой выгравирована надпись слѣдующаго содержанія

„Expedition Leit Sedova 1912-1914 г.г.“ Взяли еще лопатку для расчистки снѣга и съ этой печальной кладью направились къ землѣ. Черезъ полтора часа были у самаго берега и, выбравъ подходящее мѣсто, втащили нарту съ покойникомъ на косогоръ высотой до 6 сажень отъ уровня моря, гдѣ и было рѣшено продать тѣло землѣ. Обрядъ похоронъ происходилъ слѣдующій. Я выбралъ, насколько это было возможно, поровнѣе мѣсто, разгребъ снѣгъ лопатой, затѣмъ сняли тѣло съ нарты, повернули головой къ востоку, сняли шапки. Я перекрестился и сказалъ:

— „Господи, Боже нашъ, прими душу усопшаго раба Твоего Георгія“. Послѣ этого трижды пропѣли „вѣчную память“ и затѣмъ, снятое съ нарты тѣло уложили на назначенное мѣсто. Отъ перваго камня, положеннаго мною на могилу, въ знакъ глубоко-скорбнаго траура, я отбилъ три кусочка: одинъ для себя, одинъ на судно и одинъ думаю доставить супругѣ бывшаго моего начальника. То же сдѣлалъ и Пустошный. Въ 10 часовъ утра могила съ установленнымъ крестомъ была готова, флагъ положенъ вмѣстѣ съ начальникомъ, нарта, на которой везли тѣло начальника оставлена на могилѣ. У могилы также оставлена кирка и молотокъ.

Это была грустная и унылая минута. Часъ тому назадъ я сквозь парусиновый мѣшокъ цѣловалъ своего начальника и этотъ поцѣлуй былъ вѣчнымъ прощаніемъ. Больше я его уже не увижу. Вся жуткость этого момента непонятна лишь человѣку безъ души. Съ камнемъ на сердцѣ и со слезами на глазахъ взглянулъ я въ послѣдній разъ на могилу, перекрестился и пошелъ къ палаткѣ, гдѣ съ Пустошнымъ сразу же послѣ скорой ѣды мерзлаго сала, стали собираться въ обратный путь. Все, что было лучшаго у насъ, пока взято съ собой въ надеждѣ что либо привезти на судно, на льду же хорошаго брошено мало, а больше собачьихъ галетъ и мерзлая одежда. Въ 12 часовъ дня двинулись въ путь. Проходя мѣсто, гдѣ умеръ начальникъ, остановили нарту, сняли шапки, перекрестились и съ Божьей помощью двинулись дальше. Къ 4 часамъ вечера прошли около 15 верстъ и стали лагеремъ. Дорога пока ровная, въ нартѣ запряжено 14 собакъ. Вѣсъ нарты не превышаетъ 19 пудовъ,—это способствуетъ быстрому движенію. Собакъ осталось живыхъ 18 штукъ, въ запряжкѣ 14, остальные идутъ резервомъ. Если поблагопріятствуетъ погода, то дней за 10 думаю быть на суднѣ, а можетъ быть и раньше, смотря по движенію“.

При похоронахъ Г. Я. Сѣдова, между прочимъ произошло любопытное явленіе. Одна изъ собакъ, какъ только зарыли тѣло землей, начала выть и выла долго. Матросы сначала переживали эту похоронную музыку, но собака про-

должала выть у могилы. Такъ какъ надо было торопиться, то матросы рѣшили прекратить погребальный плачъ собаки и начали отгонять ее отъ могилы. Отогнанная собака возвращалась и продолжала выть. Сколько ни старались матросы увести собаку съ собой, — ничего не помогало. Тогда Линникъ и Пустошный разбросали около могилы нѣсколько провизіи, которой могло хватить ей на нѣсколько дней и ушли. Еще долго былъ слышенъ ея вой.

Вѣрное животное черезъ нѣсколько дней должно было поплатиться голодной смертью за свою привязанность къ своему хозяину.

VII.

Обратно и судно.

Тяжелое настроеніе было у матросовъ, когда они двинулись въ обратный путь; къ неудачѣ въ достиженіи конечной цѣли экспедиціи и смерти Сѣдова прибавилось еще и то, что оба матроса не были увѣрены вполне въ томъ, что благополучно дойдутъ до судна. Дѣло въ томъ, что они не могли опредѣляться астрономически и могли много времени проблуждать по Землѣ Франца Іосифа, прежде чѣмъ выйти къ судну. Къ счастью, что смерть Г. Я. Сѣдова застала ихъ еще въ районѣ Земли Франца Іосифа въ виду берега. Если бы полюсная партія вышла въ открытый океанъ сѣвернѣе Земли Франца Іосифа, участь матросовъ была бы рѣшена. Безъ Сѣдова имъ не удалось бы выбраться къ „Ф. К.“.

Къ счастью, все кончилось благополучно, и на 12-й день послѣ похоронъ Г. Я. Сѣдова матросы добрались до судна послѣ нѣлаго ряда лишеній.

Въ партіѣ было запряжено 14 собакъ и благодаря тому, что теперь у матросовъ была одна нарта, они за день 25 февраля прошли около 20 верстъ. Это разстояніе впередъ съ Г. Я. Сѣдовымъ они шли три дня. Холодъ былъ невѣроятный, морозъ доходилъ до 38 гр. Въ виду отсутствія горячей пищи, холодъ давалъ себя чувствовать болѣе, чѣмъ когда-либо. Чтобы сколько нибудь согрѣться, матросы достали послѣднюю бутылку коньяку и выпили по столовой ложкѣ. Какъ ни старались матросы экономить незначительный запасъ керосина, имъ все же 26 февраля съ утра пришлось на короткое время зажечь „Примусъ“, такъ какъ начали мерзнуть ноги. Кое-какъ согрѣвшись и выпивъ горячей воды, матросы двинулись въ 9 час. утра дальше.

Сначала обходили торосы и движеніе было сноснымъ, потомъ торосы покрыли все видимое пространство и обходить уже было некуда.

Пришлось продолжать путь по настоящимъ ледянымъ горамъ, безобразно наставленнымъ. Къ счастью, такое мѣсто было не больше одной версты. Эту версту матросы могли осилить только къ вечеру. Нарта безъ счета разъ опрокидывалась, такъ что бока каяка продырявились.

Все время матросы старались идти старымъ курсомъ, мѣстами попадая на старый слѣдъ.

— «Сегодня 6 дней, какъ у меня на рукахъ умеръ нашъ начальникъ,—писалъ въ этотъ день Линникъ въ своемъ дневникѣ.—Много было бы лучше, если бы сегодняшній день я двигался дальше на сѣверъ и вмѣстѣ съ начальникомъ, чѣмъ иду я къ судну и безъ него».

27 февраля пришлось прервать путь изъ-за сильной вьюги. Удалось пройти за день не больше 12 верстъ.

Въ этотъ день Линникъ записывалъ въ своемъ дневникѣ:

— „Если завтра не будетъ вьюги, думаю оставить сзади роковой 82° сѣв. шир., взявшій жизнь начальника, и тогда будемъ находиться подъ однимъ градусомъ сѣверной широты съ нашимъ судномъ. Со дня кончины начальника, метеорологическихъ наблюдений въ пути не производимъ, измѣряя лишь два раза въ сутки температуру минимальнымъ термометромъ и ежедневно въ одно и то же время заводимъ хронометръ“.

На слѣдующій день вьюга продолжалась. Матросамъ пришлось отлеживаться въ спальномъ мѣшкѣ, но и мѣшокъ не спасалъ отъ холода, такъ какъ во время метелей въ спальномъ мѣшкѣ везли Г. Я. Сѣлова и мѣшокъ отъ этого насквозь пропитался снѣгомъ. Долго лежать въ мѣшкѣ было невозможно.

— „Въ такомъ мѣшкѣ самъ чортъ не улежитъ“,—говорили между собою матросы.

Пришлось изъ мѣшка прямо выскочить и зажечь „Примусъ“. Оба матроса посинѣли отъ холода. Линникъ далъ Пустошному даже прозвище: „Спѣлый баклажанъ“—такъ посинѣлъ отъ холода матросъ.

— „Ахъ, какъ пріятно,—вспоминалъ въ послѣдствіи Линникъ,—грѣть чайникъ и передъ горячимъ „Примусомъ“ писать дневникъ“.

Холодъ былъ еще не такъ страшенъ. Тревожила матросовъ другая мысль. Дѣло въ томъ, что продолжительная остановка на льду изъ-за вьюги могла окончиться весьма плохо. Вѣтеръ въ любую минуту могъ оторвать ледъ и унести матросовъ въ океанъ.

— „А тогда ложись и умирай“.

— „Да, пѣсня наша тогда будетъ спѣта“.

— „Впрочемъ, чему быть, того не миновать“.

Въ этотъ день, 28 февраля Линникъ въ своемъ дневникѣ записалъ слѣдующее:

— „Стоимъ сейчасъ на томъ мѣстѣ, до котораго думали итти съ судна провожать нашу партію, но вслѣдствіе большинства больныхъ изъ команды и другихъ обстоятельствъ, провожать насъ не пошли, а вѣдь съ этого же самаго мѣста покойный начальникъ занемогъ окончательно, и если бы съ нами былъ кто-либо изъ членовъ нашей экспедиціи, возможно, что удалось бы уговорить покойнаго начальника вернуться обратно на судно. Видно ужъ судьба его умереть въ кругу не родныхъ, а чужихъ на льду океана въ палаткѣ“.

1-го марта былъ 9-й день кончины Г. Я. Сѣдова. Въ знакъ поминовенія матросы сварили вмѣсто чая компотъ. Въ этотъ день стихла и выюга и матросы отправились дальше. Дорога была сносная, большихъ торосистыхъ льдинъ не встрѣчалось. Зато на пути попадалось много трещинъ. Одну изъ такихъ трещинъ пришлось обходить около 2-хъ часовъ. Матросы торопились итти, чтобы не быть отрѣзанными отъ береговъ. Въ этотъ день прошли около 25 верстъ.

2 марта подулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, который хотя и не могъ оторвать ледъ и отнести въ океанъ, но зато могъ напоромъ старыхъ льдинъ поломать ледъ, по которому шли матросы.

— „Съ сегодняшняго дня,—писалъ Линникъ въ своемъ дневникѣ,—затворъ отъ винтовки держу въ карманѣ наготовѣ, думаю по дорогѣ напасть на звѣря и воспользоваться его саломъ для топлива. Если выюга вздумаетъ быть недѣлю, то придется стать ближе къ берегу и заняться добычей звѣря, иначе дѣло наше неважно, такъ какъ вся одежда, благодаря плохому присмотру во время болѣзни и смерти начальника нисколько не грѣетъ. Такъ или иначе, а дней черезъ пять думаю быть на суднѣ, хотя сегодняшний переходъ ужасно скверный, пропутались все время въ безобразныхъ торосахъ и врядъ ли продвинулись впередъ болѣе трехъ верстъ и въ виду начавшейся сильной выюги пришлось стать лагеремъ.“

При установкѣ парусиновой палатки матросамъ приходилось много возиться, такъ какъ палатки представляли обледенѣлый кусокъ парусины. Разставивъ палатки, матросамъ вмѣсто чаю пришлось ограничиться чашкой холодной воды изъ снѣга, такъ какъ керосинъ былъ на исходѣ.

— «Приближается скверное время Безжалостная выюга не даютъ намъ возможности быстро двигаться къ судну»,—жаловались матросы.

— «Съ увѣренностью можно сказать,—разсказывалъ впоследствии одинъ изъ матросовъ,—что мало горя видѣлъ тотъ, кто не сидѣлъ въ палаткѣ на льду и въ полузамерзшемъ спальномъ мѣшкѣ не дрожалъ съ кружкой холодной воды въ рукахъ».

4 марта матросы сбились съ пути, хотя шли все время на югъ, но попали между какими-то островами и не могли опредѣлить, гдѣ находятся.

— «Дѣло наше плохо».

— «Надо идти на западъ».

Для питья матросы пользовались мокрымъ сѣгомъ, который растаивали въ кружкѣ дыханіемъ.

— «Вѣроятно придется остановить движеніе и заняться добычей звѣря для топлива».

— «Положеніе не изъ пріятныхъ, но уныніе бесполезно.»

Среди такихъ грустныхъ размышленій и возможныхъ непріятныхъ перспективъ матросы совершенно случайно натолкнулись на одну находку, которая показала, что они на вѣрномъ пути и что недалеко судно.

Идя 5 марта на западъ, они неожиданно натолкнулись на айзбергъ въ видѣ арки, который покойный Г. Я. Сѣдовъ сфотографировалъ на 2-й день послѣ выхода судна, пройдя отъ него не болѣе 20 верстъ.

— „Ну, теперь то мы дома“, — радовались матросы.

Будучи теперь увѣрены, что черезъ день они будутъ на суднѣ, расположились на отдыхъ и 6 марта въ 4 часа утра двинулись въ путь.

Въ началѣ 10-го часа матросы, обогнувъ мысъ, увидѣли судно.

— «Какъ ни печально приходитъ намъ къ судну безъ начальника, — писалъ Линникъ въ дневникъ, — но все же мы были очень рады, что благополучно пришли къ судну».

На суднѣ не ожидали скорого возвращенія полюсной партіи и приближающихся къ судну Линника и Пустошного; ихъ замѣтили только тогда, когда тѣ подошли къ самому «Фокъ».

Мигомъ всѣ выскочили навстрѣчу матросамъ, и первое слово каждого было:

— «Гдѣ начальникъ?»

— «Гдѣ Сѣдовъ?»

Но всѣ получали одинъ нерадостный печальный отвѣтъ:

— «Начальникъ похороненъ».

Нѣкоторые прослезились, получивъ грустное извѣстіе о смерти Г. Я. Сѣдова.

Пришедшихъ накормили, напоили и обогрѣли.

— «Дневникъ сегодня пишу, — записывалъ въ этотъ день Линникъ, — не дрожа въ палаткѣ, а сижу за столомъ въ каютѣ, а, главное, почти обѣлся супомъ изъ дичи и жареной нерпой. Послѣ обѣда сдавалъ все приведенное обратно, дневникъ и разныя вещи, оставшіяся послѣ покойнаго начальника. Вечеромъ я былъ позванъ въ каютъ-

компанію для объясненій кончины начальника, затѣмъ въ присутствіи всѣхъ членовъ читалъ свой дневникъ съ 17 февраля до прихода на судно».

VIII.

Болѣзнь матросовъ. Смерть Зандера. Охота на медвѣдей Экскурсіи. Зимовка американской экспедиціи.

Скучно и неинтересно протекала жизнь на «Фокѣ», пока отсутствовала полюсная партія. И на суднѣ не обошлось дѣло безъ жертвъ за время отсутствія полюсной партіи. Еще при отправкѣ Сѣдова на полюсъ на суднѣ было трое болѣлыхъ: механикъ Зандеръ, кочегаръ Коршуновъ и матросъ Коноплевъ. Вскорѣ механикъ Зандеръ умеръ, а къ остальнымъ двумъ больнымъ прибавилось еще двое: Лебедевъ и Шестаковъ. Изъ числа команды здоровыми остались лишь кочегаръ Кузнецовъ и матросъ Инютинъ. Буфетчикъ Казино похудѣлъ до неузнаваемости. Прихварывалъ и поваръ Пищухинъ. Состояніе здоровья офицерскаго состава экспедиціи не внушало опасенія.

Линникъ и Пустошный по приходѣ на судно тоже расхворались. Вѣрнѣе, они были уже давно больны, но въ пути въ борьбѣ съ выюгами и холодомъ имъ не было времени обращать вниманія на свою болѣзнь. Пустошный отморозилъ на ногѣ большой палецъ, съ котораго сошелъ ноготь.

Линникъ задыхался отъ кашля и едва ходилъ. Часто шла кровь изъ носа.

— «Вѣроятно, унаслѣдовалъ болѣзнь своего начальника,—говорилъ Линникъ,—но дѣлать нечего, чему быть, того не миновать; думаю до Россіи выстоять, а тамъ вылечить».—

Внутренній видъ „Фоки“ тоже измѣнился къ худшему. Коридоръ, въ которомъ ранѣе помѣщались художникъ Пинегинъ, геологъ Павловъ и матросъ Линникъ, теперь сталъ необитаемъ и представлялъ изъ себя мрачный пещерный видъ съ обледенѣвшими каютами, заваленными разнымъ хламомъ.

Каютъ-компанія, бывшая въ болѣе или менѣе приличномъ видѣ, превратилась въ артельное общежитіе. Въ каютѣ, бывшей Г. Я. Сѣдова, устроены нары, на которыхъ помѣщались геологъ Павловъ, географъ Визе и оставшійся замѣстителемъ Г. Я. Сѣдова бактериологъ Кушаковъ. Художникъ Пинегинъ спалъ на диванѣ за столомъ въ одиночномъ спальномъ мѣшкѣ. Во 2-й каютѣ, расположенной рядомъ съ бывш. каютой Г. Я. Сѣдова, также

устроены нары. Въ ней помѣщались Лебедевъ, Пищухинъ, Казино и друг.

— «Жизнь стала до неузнаваемости мрачной», — жаловались другъ другу участники экспедиціи.

Большое развлеченіе доставляла лишь охота на бѣлаго медвѣдя. Медвѣди то и дѣло подходили къ судну, чувствуя должно быть запахъ ворвани и жаренаго мяса.

Не всегда медвѣжья охота была удачна.

Такъ, 16 марта лишь только проснулись на суднѣ почти вплотную къ борту подошелъ медвѣдь. Появленіе его было такъ неожиданно, что Кушаковъ, выстрѣливъ почти въ упоръ, промахнулся, и медвѣдь быстро сталъ уходить. Однако, уйти безъ поврежденія ему не удалось и выстрѣломъ Сахарова отъ былъ легко раненъ. Въ итогѣ медвѣдь, бывшій чуть не на палубѣ, все-таки ушелъ.

— «А жаль, — острили надъ охотниками, — поваръ уже собирался жарить котлеты, а медвѣдь посмѣялся и скрылся».

На другой день 17 марта географъ Визе ушелъ производить съемку бухты и, отойдя отъ судна около 4 верстъ, наткнулся на медвѣдя. В. Ю. Визе далъ два выстрѣла изъ бывшаго при немъ браунинга и ранилъ медвѣдя. Медвѣдь, почувствовавъ пулю въ своемъ тѣлѣ, быстро началъ уходить. В. Ю. Визе сейчасъ же пришелъ на судно, гдѣ разсказалъ о встрѣчѣ съ королемъ полярныхъ странъ. Всѣ члены экспедиціи, забравъ винтовки, ушли къ мѣсту «встрѣчи», но, прохотивъ около 3 часовъ, видѣли лишь кровавые слѣды раненаго звѣря.

18 марта, въ 4 часа утра, производящій метеорологическія наблюденія Лебедевъ увидѣлъ къ югу отъ судна медвѣдя.

Всѣ выскочили на палубу съ винтовками и стали поджидать гостя.

— «Медвѣдь направляется къ намъ испытать нашу «способность» къ охотѣ», — проинизировали собравшіеся на палубѣ.

Медвѣдь, не дойдя до судна сажень 300, разглядѣвъ собравшихся на палубѣ охотниковъ, сталъ уходить. Кушаковъ первый далъ выстрѣлъ, легко ранивъ медвѣдя въ лапу. Тогда посыпались залпы. Была настоящая канонада, но въ результатѣ медвѣдь «улизнулъ».

23 марта была также медвѣжья охота и на этотъ разъ удачная, такъ какъ по счастливой случайности удалось убить медвѣдицу съ однимъ медвѣженкомъ. Это, между прочимъ, за все время экспедиціи попала первая медвѣдица съ однимъ медвѣженкомъ. Прежде встрѣчавшіяся медвѣдицы всѣ были съ двумя медвѣжатами.

На другой день тоже была удачная охота. Производящій съемку В. Ю. Визе напалъ на берлогу и когда обь

этомъ сообщили на судно, всѣ охотники отправились къ мѣсту берлоги и къ вечеру возвратились съ убитой медвѣдницей и 2 живыми медвѣжкатами. Теперь на суднѣ было живыхъ медвѣжатъ уже 6 штукъ.

29 марта Пустошный, Линникъ, Лебедевъ и Казино впряглись въ парту и поѣхали за прѣснымъ льдомъ для кухни и отъ судна по направленію къ судну увидѣли 2-хъ медвѣдей. Сейчасъ же Казино побѣжалъ сообщить объ этомъ на судно, послѣ чего всѣ члены экспедиціи забрали винтовки, спустили всѣхъ собакъ и побѣжали къ медвѣдямъ. Оказалась медвѣдица съ большимъ, т. е. прошлогоднимъ медвѣженкомъ. 6-ю выстрѣлами художникъ Пинегинъ убилъ медвѣдицу, но неудачно, т. к. первымъ выстрѣломъ убилъ наповалъ лучшую сибирскую собаку, которая отбѣглась отъ полюсной партіи во время обратнаго пути, гдѣ то скиталась 22 дня, полуизмученной вернулась на судно и жизнью попользовалась только 6 дней. вмѣстѣ съ убитой медвѣдницей привезли на судно большого медвѣженка, котораго удалось взять лишь тогда, когда бревномъ его оглушили до потери сознанія. Медвѣженокъ былъ одного года съ пойманными въ 1913 г. на Новой Землѣ, но онъ близко къ себѣ никого не подпускалъ.

Къ 6 ти часамъ возвратился производящій съемку В. Ю. Визе и сказалъ, что онъ только что видѣлъ медвѣдя. Сейчасъ же Пинегинъ, Кушаковъ и Визе, взявъ собакъ и винтовки, отправились къ показанному мѣсту и къ 8 часамъ вечера привезли убитую медвѣдицу и задавленнаго собаками медвѣженка.

Кромѣ охоты, большое развлеченіе вносили въ жизнь участниковъ экспедиціи предпринимаемая экскурсіи.

Такі, художникъ Пинегинъ съ матросомъ Инютинымъ ходили на мысъ Флора поискать—нѣтъ ли гдѣ либо склада угля.

24 марта они возвратились, но угля нигдѣ не нашли. Оставили лишь записку, запаянную въ банку. Въ запискѣ сообщалось о мѣстѣ стоянки. Это было сдѣлано на случай прихода за экспедиціей судна. Тамъ же на мысъ Флора экскурсанты нашли дневникъ матроса экспедиціи Лел. Смита, изъ котораго было видно, что участникамъ этой экспедиціи пришлось перенести немало лишеній, т. к. судно ихъ раздавило льдами подъ 83° с. ш., откуда они всѣ въ количествѣ 30 человекъ пробирались на мысъ Флора пѣшкомъ.

Изъ другихъ экскурсій можно указать на нѣсколько экскурсій Визе съ матросомъ Линникомъ, который послѣ участія въ полюсной партіи настолько оправился, что могъ дѣлать большіе переходы.

На первую экскурсію Визе и Линникъ вышли 14 апрѣля къ острову Гукера. Цѣль экскурсіи—обойти этотъ

островъ со съемкой. Островъ Гукера оказался совсѣмъ не такъ большимъ, какъ указано на иностранныхъ картахъ.

Итти путникамъ приходилось то черезъ торосистыя льдины, то по свѣжему тонкому льду. 17 апрѣля Визе, шедшій впереди, проваливался 2 раза, къ счастью, одной ногой. 18 апрѣля экскурсантамъ пришлось перебираться черезъ ледникъ. Путь то и дѣло преграждали трещины; въ одну изъ такихъ трещинъ упала собака и притомъ упала на такую глубину, что даже не было слышно ея визга. Бѣдное животное принуждено было погибнуть голодной смертью въ ледяной тюрьмѣ.

19 апрѣля, обойдя островъ, путники въ 5 часовъ вечера спустились въ бухту, въ которой стоялъ «Фока» и черезъ часъ были на суднѣ.

По дорогѣ Линникъ и Визе совершили маленькую „коммерческую сдѣлку“, Линникъ промѣнялъ Визе новыя суконныя брюки за $\frac{1}{8}$ ф. турецкаго табаку, такъ какъ этого драгоцѣннаго зелья ни у кого на суднѣ не было, за исключеніемъ Визе, который владѣлъ цѣлымъ фунтомъ.

Отдохнувъ на суднѣ 5 дней, Визе и Линникъ 25 апрѣля вновь отправились въ экскурсію.

Въ первый день они пересѣкли перешеекъ ледниковаго покрова, спустились опять къ морю и прошли проливъ отъ острова Гукера къ острову Рояль Королева, гдѣ стали лагеремъ.

На другой день, 26 апрѣля, въ 9 часовъ утра Визе пошелъ вокругъ острова со съемкой, а Линникъ остался измѣрять базу для опредѣленія высоты окружающихъ горъ. Вскорѣ Визе возвратился, сдѣлавъ нужныя опредѣленія, послѣ чего закусили, и въ три часа двинулись дальше. Поравнявшись съ островомъ Бреди, увидѣли медвѣдя, идущаго прямо на нихъ. Остановили нарту и спустили 4 собаки. Визе съ винтовкой побѣждалъ къ медвѣдю. При видѣ бѣгущихъ собакъ медвѣдь повернулъ назадъ. Раненый медвѣдь провалился въ глубокую береговую трещину, послѣ чего разочарованные неудачной охотой путники потащились дальше. У крайняго мыса острова Бреди экскурсанты заночевали.

27 апрѣля обошли весь островъ Бреди. По дорогѣ Линникъ провалился по поясъ въ воду, т. к. шли по свѣжему льду.

28 апрѣля двинулись дальше къ острову Альчеръ къ мысу Циглера. Пройдя около 47 верстъ, пришлось раскинуть палатку, т. к. началась вьюга.

29 апрѣля Визе ходилъ за мысъ Циглера, гдѣ обнаружили зимовку американской экспедиціи „Балдвинъ-Циглера“ 1901 и 1902 гг.

Выпивъ наскоро, по чашкѣ какао, двинулись дальше и въ полночь стали лагеремъ на мѣстѣ, гдѣ зимовали американцы. Видимо, мѣсто для зимовки было не плохое. Низкій песчаный берегъ съ узкимъ проливомъ отъ острова Альчеръ, на которомъ была зимовка, и островомъ Макъ-Клинтонъ; бухточки никакой, но отъ напора океанскихъ льдовъ мѣсто кругомъ защищено островами. Скалистыхъ горъ кругомъ много, но не было ни одной птички и не слышно того птичьяго шума, который днемъ и ночью не умолкаетъ на мѣстѣ зимовки старикъ «Фока». На берегу зимовки американцевъ стоитъ два деревянныхъ досчатыхъ домика: одинъ большой до 5 сажень длиной, а другой въ половину меньше. Оба дома были покрыты толемъ, который во многихъ мѣстахъ порвали бури или медвѣди. Тотъ и другой домъ были биткомъ набиты черезъ поломанные стѣны снѣгомъ, превратившимся уже въ ледъ. Около ста сажень подальше стоялъ третій небольшой круглый домикъ, вѣроятно, для магнитныхъ наблюденій, т. к. былъ весь скрѣпленъ манильской веревкой безъ гвоздей. Крыша также толевая. Въ немъ стояло два цѣлыхъ куска толя. На берегу валялось много разныхъ банокъ отъ всевозможныхъ консервовъ. Много также пустыхъ трехъ пудовыхъ свинцовыхъ банокъ, насыпанныхъ пескомъ и поставленныхъ въ видѣ забора, видимо, для складочнаго помѣщенія. Около построекъ не было никакихъ запасовъ, ни угля, ни провизіи. Если и было что-либо, то все занесено пескомъ и снѣгомъ.

Линникъ пытался открыть самый большой домикъ весломъ, т. к. лопаты позабыли взять съ судна. Было видно, что въ домикѣ жили, т. к. тамъ валялось много разныхъ банокъ и хозяйственныхъ принадлежностей, уже испорченныхъ временемъ. Между прочимъ, Линникъ нашелъ одну фунтовую баночку пюре изъ сливъ, съ которымъ, какъ съ вареньемъ наши путники пили чай, несмотря на то, что баночка пролежала до 12 лѣтъ въ снѣгу, уже сдѣлавшимся льдомъ.

30 апрѣля, сидя въ палаткѣ за разогрѣваніемъ котлетъ, Визе и Линникъ слышали лай собакъ. Открыли палатку и увидали въ 100 саж. медвѣдя, уже бѣгушаго отъ собакъ. Не успѣлъ В. Ю. Визе выскочить въ винтовкой, какъ медвѣдь съ собаками скрылся за мысомъ. Преслѣдовать было бесполезно. Однако, благодаря медвѣдю, въ путь двигаться пришлось позже, такъ какъ всѣ собаки убѣжали, запрягать было некого. Только къ 6 часамъ вечера пришли 5 собакъ, которыя сейчасъ же были запряжены и на пяти собакахъ двинулись въ путь. По дорогѣ прибѣжали остальные 3 собаки и уже на 8 ми собакахъ быстро двинулись дальше. Шли на судно не только днемъ, но и ночью, такъ

какъ съ 3-го апрѣля солнце совершенно не скрывалось и было свѣтло.

2 мая экскурсанты пришли на судно.

IX.

Потеря карбаса. Разломка судна внутри на дрова. Течь судна. Колка льда.

Приближалось время, когда нужно было подумать о приготовленіяхъ къ обратному пути. Нѣкоторая надежда на то, что за нами пошлютъ судно, правда, была, но приходилось больше надѣяться на свои силы и подготовляться къ отплытію.

Судно, прозимовавшее двѣ зимы во льдахъ, не внушало большого довѣрія. Достаточнаго количества шлюпокъ на тотъ случай, если погибнетъ судно и придется спасаться, также не было. Еще осенью 1912 года одну шлюпку смыло съ палубы „Фоки“ волной. Въ апрѣлѣ потеряли другой карбасъ. Его отвезли въ полярную, гдѣ послѣ охоты оставленъ на льду. Подулъ сильный вѣтеръ, льды поломало, а вмѣстѣ со льдомъ разломало карбасъ. Отъ карбаса плавали лишь одни обломки.

Рѣшено было какъ нибудъ этотъ недостатокъ пополнить и 11 мая Павловъ, Пицегинъ съ матросомъ Пустошнымъ отправились для отысканія шлюпки, оставленной англійской экспедиціей Джексона на южномъ мысѣ острова Гукера. Но экскурсанты вернулись на судно съ пустыми руками.

Въ самомъ началѣ апрѣля начали ломать внутри судно на топливо. Ломали переборки кладовыхъ, вторую палубу и т. п.

Судно изнутри стало похожимъ на полуразрушенную старую баржу, далеко не похожимъ на первое русское судно, бывшее въ полярныхъ льдахъ 2 года.

— „И на этой полуразрушенной корзинѣ мы должны будемъ приплыть въ Россію“, — говорили участники экспедиціи.

— „Если это сбудется, то всѣ хулившіе старичка — святого мученика „Фоку“, будутъ сконфужены“.

Настроение у всѣхъ было неважное.

Вотъ рядъ выписокъ изъ дневниковъ участниковъ экспедиціи. Изъ этихъ выписокъ видно, что переживала кучка заброшенныхъ на край свѣта людей.

„1 мая. Въ прошломъ году 1 мая на Новой Землѣ была настоящая полярная вьюга. Здѣсь хотя вѣтри и нѣтъ, но куда ни взглянешь кругомъ, одни льды да скалистые утесы близъ моря, а земля покрыта вѣчными льдами.“

Живемъ здѣсь и работаемъ, но всѣ наши работы, какими бы онѣ важными ни были и сколько бы онѣ ни стоили, замѣнить нашу потерю онѣ не смогутъ. Какихъ бы цѣнностей для науки экспедиція наша ни добыла, но лучше бы она не состоялась, чѣмъ терять двѣ жизни—Сѣдова и Зандера“.

„3 мая. Если такъ быстро будетъ таять, то мѣсяца черезъ два, съ Божьей помощью, двинемся обратно на родину въ Россію, но уже не съ гордостью побитія рекорда, а съ печальной вѣстью для родныхъ и всѣхъ сочувствующихъ полярнымъ путешествіямъ“.

„9 мая. Сегодня праздникъ—на суднѣ два именинника—Пинегинъ и Сахаровъ, но и праздники нисколько не приносятъ веселья“.

„15 мая. Сегодня уже 15-е мая, а вокругъ насъ видны лишь одни океанскіе льды. Немалая для насъ радость будетъ, если черезъ полтора или два мѣсяца попадемъ мы въ Россію, а попадать намъ будетъ не легко, благодаря тому, что у насъ нѣтъ нисколько топлива, а на мысѣ Флора много топлива взять не удастся. Главная надежда у насъ на паруса. Самымъ для насъ желательнымъ теперь является лишь то, чтобы на пути въ Россію мы встрѣчали возможно меньше льдовъ. Даже, если ихъ совсѣмъ не будетъ, то противъ этого ничего не будемъ имѣть. Впрочемъ, чему быть, того не миновать, поживемъ увидимъ“.

Съ 25 мая начали вооруженіе судна къ плаванію. Матросы стали заготовлять топливо для котла, выпиливали изъ трюма бимсы, пилили также фальшь-бортъ. Ломали каюту при машинномъ отдѣленіи. Дрова вытаскивали изъ трюма, пилили и бросали въ угольные ямы. Палаживали помпу.

— „Здорово вооружаемъ судно“,—шутили участники экспедиціи, разламывая на дрова все, что было можно.

Перебрали также сложенные на зиму отъ крысъ подъ брезентомъ на мостикѣ ржаные сухари, но и тутъ имъ отъ крысъ не было спасенія и около 17 мѣшкомъ пришлось починить и перебрать, выбрасывая испорченное крысамъ. Въ общемъ, всѣхъ сухарей, взятыхъ изъ Архангельска, крысы съѣли не меньше, чѣмъ члены экспедиціи.

Въ концѣ мая температура временами была $\frac{1}{2}$ градуса тепла.—„Не за горами уже лѣто, іюнь“,—говорили участники экспедиціи.

Правда, іюнь наступилъ скоро, но лѣта пришлось еще подождать. 2-го іюня подулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ, временами переходящій въ настоящую выюгу. За ночь при 2^о мороза выпало болѣе $\frac{1}{4}$ арш. снѣга.

— „Это начало полярнаго лѣта“.

Снѣжная выюга продержалась три дня.

— „Ничего и похожего нѣтъ на лѣто“.

22 іюня на суднѣ сбѣжалъ медвѣженокъ. Когда уже легли спать, Пинегинъ разбудилъ всѣхъ и сообщилъ о побѣгѣ медвѣженка. Всѣ выбѣжали, но медвѣженокъ былъ уже около версты отъ судна. Пустили собакъ. Пинегинъ побѣжалъ съ винтовкой и къ часу ночи возвратился къ судну съ пустыми руками: медвѣженокъ скрылся съ цѣпью, которая, находясь у него на шеѣ, должна будетъ его задавить, когда медвѣженокъ подрастетъ.

23 іюня былъ весьма непріятный день. Участники экспедиціи обнаружили непріятную новость. Въ трюмѣ оказалось $13\frac{1}{2}$ дюйм. воды. Оттаявшее съ наступленіемъ тепла судно, очевидно, расплзлось по всѣмъ швамъ. Правда, всѣ уже давно этого ждали и были увѣрены, что какъ только наступитъ тепло, судно дастъ течь, но все же это открытіе всѣхъ непріятно поразило.

Помпа снизу замерзла. Ее наладили только къ вечеру. Часть воды откачали. Съ этого дня воду начали откачивать 2 раза въ сутки—утромъ и вечеромъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Несмотря на усиленное откачиваніе, воды въ трюмѣ почти не убывало. Такъ, 27 іюня утромъ воды въ трюмѣ было 16 дюйм., а вечеромъ $15\frac{1}{2}$ дюймовъ.

28 іюня утромъ 16 д., вечеромъ 14 д.

29 іюня рѣшили вечеромъ не откачивать воды, чтобы узнать течь за сутки. Удалось выяснить, что течетъ въ машинномъ отдѣленіи подъ котломъ.

— „Вскорѣ оттаетъ и будетъ течь по всему судну“.

— „Утѣшительнаго мало“.

Съ 1-го іюня начали пилить ледъ отъ полыньи къ судну, чтобы судно могло выйти на чистую воду, и за день пропилили каналъ въ сажень ширины и до 22 сажень длины. Сначала ледъ былъ тонкій и затѣмъ къ концу канала толщина его доходила до 2 аршинъ.

— „Хотя скоро пропилимъ, но плыть въ Россію, видимо, нужно будетъ подождать“,—говорили между собой члены экспедиціи, такъ какъ съ высокой горы въ трубу и бинокль были видны кругомъ льды.

Хотя по направленію къ югу было видно темное „водяное небо“, т. е. отраженіе воды на небѣ, не очень далеко.

Въ послѣдующіе дни толщина льда доходила до 2 сажень.

10 іюля, наконецъ, довели каналъ до судна и въ 2 ч. дня судно послѣ 10 съ лишнимъ мѣсяцевъ стоянки впервые заколыхалось на водѣ.

Отъ радости бывшіе на палубѣ закричали „ура“.

На другой же день эта радость была омрачена. Какъ только судно освободилось отъ льда, течь увеличилась.

Вода въ трюмѣ, несмотря на усиленное откачиваніе доходила до 43 д.

Съ 15 іюля начали заготовлять печеніе хлѣба для плаванія. Штурманъ Сахаровъ, Визе съ матросомъ Пустошнымъ ходили смотрѣть, нѣтъ ли прохода въ океанъ съ сѣверной стороны острова Гукера. Съ этого же дня всѣ члены экспедиціи размѣстились по отдѣльнымъ каютамъ, готовясь къ предстоящимъ вахтамъ во время плаванія.

16 іюля были осмотрѣны всѣ приготовленія къ плаванію.

— „Завтра, съ Божьей помощью, думаемъ встряхнуться и плыть въ Россію“.

— „Господи благослови“.

Х.

Отплытіе. Неудача. Встрѣча съ Альбановымъ. Заготовки дровъ. Попытка отыскать спутниковъ Альбанова.

17 іюля былъ днемъ отплытія съ мѣста зимовки. День на счастье участниковъ экспедиціи выдался хорошій. Всѣ проснулись въ 6 час. утра. Развели пары. Такъ какъ единственный человѣкъ, который умѣлъ управлять машиной механикъ Зандеръ умеръ, то прежде, чѣмъ пустить въ ходъ машину, пришлось много провозиться. Доброзольные механики: докторъ Кушаковъ и кочегаръ Кузнецовъ ничего не могли подѣлать. Пришлось звать на помощь больного Коршунова, который кое-какъ приплелся въ машинное помѣщеніе и помогъ пустить въ ходъ машину.

— „Слава Богу, что живъ еще Коршуновъ“.

Къ 10 часамъ утра выкатили якорь и двинулись въ путь. Проходя мимо могилы механика Зандера, дали 3 свистка и выстрѣлъ изъ пушки. Въ началѣ 12-го часа дня стали огнѣвать островъ Гукера къ югу. Всѣ сняли шапки и по направленію къ сѣверу дали три выстрѣла изъ пушки съ тремя свистками, почтивъ этимъ память начальника экспедиціи Г. Я. Сѣдова.

— „Грустная минута,—говорили между собой матросы, но дѣлать нечего, отъ судьбы не уйдешь“.

Поплыли дальше, но, къ несчастью, путь пришлось продолжать не долго, въ виду встрѣтившихся непроходимыхъ льдовъ. Повернули обратно, надѣясь обогнуть съ сѣверной стороны островъ Скотъ-Кельти.

Въ 8 часу вечера находились на юго-западной сторонѣ острова Скотъ-Кельти. Чтобы обойти льды, шли около самага очень отлогого берега.

На мостикѣ находились всѣ члены экспедиціи, смотрѣли въ бинокли, выбирая проходъ.

Отсутствіе Г. Я. Съдова съ его желѣзной дисциплиной и умѣлой распорядительностью сказывалось. Не было начальника, некому было руководить, каждый считалъ свое мнѣніе неоспоримымъ и каждый старался дѣлать такъ, какъ хочетъ.

Такое безначаліе въ первый же день чуть чуть не привело къ роковой развязкѣ.

Матросъ Лебедевъ стоялъ у руля, а матросъ Линникъ на лотѣ.

Не успѣлъ Линникъ прокричать и двухъ глубинъ изъ футовыхъ, какъ къ рулю подбѣжалъ одинъ изъ членовъ экспедиціи, взялъ руль „лѣво на бортъ“, и судно съ средняго хода выскочило на каменистую мель. Носъ судна поднялся больше 2 футовъ. Дали полный ходъ назадъ. Проработали $\frac{1}{2}$ часа заднимъ ходомъ безъ всякаго результата. Всѣ члены экспедиціи ушли въ салонъ на совѣщаніе, на которомъ было рѣшено: судно навсегда бросить и на карбасѣ отправляться дальше. Начать шить рукавицы и что кому понадобится для путешествія въ карбасѣ, затѣмъ всѣ инструменты, коллекціи и другія цѣнныя вещи вывезти на берегъ. Матросы также собрались на палубѣ на совѣтъ и послѣ недолгаго раздумья рѣшили сдѣлать такъ: чѣмъ навсегда бросать судно, попробовать сперва облегчить его, бросивъ навсегда въ море со пудовый якорь и вмѣстѣ съ нимъ 120 сажень цѣпи, всего до 1000 пудовъ, занести ледяной якорь со стальными тросами съ кормы и набирать на лебедку. Все это рѣшили предложить штурману Сахарову и, въ случаѣ его несогласія, дѣйствовать самимъ, отодвинувъ дисциплину на задній планъ.

— „Дѣло серьезное“.

Съ этимъ предложеніемъ команда обратилась къ Сахарову.

— „Дѣлайте, что хотите“, — сказалъ въ отвѣтъ Сахаровъ.

Мигомъ якорь съ цѣпью былъ выброшенъ въ море. Стали откачивать воду изъ трюма. Когда занесли ледяной якорь за огромное поле льда и начали набирать на лебедку, льдина, за которую былъ закрѣпленъ якорь, начала наваливать на судно, напирая вмѣстѣ съ собой судно, больше на мель, накренивъ его лѣвый бортъ до 30°.

Положеніе ухудшилось. Рѣшили тушить котелъ, т. е. на топливо ушли всѣ запасные тросы и обѣ бочки звѣринаго сала. Всѣ ушли на отдыхъ. Якорь остался закрѣпленнымъ за льдину. На вахтѣ осталось двое. Къ счастью, льдину стало относить отъ судна и тросы, закрѣпленные за якорь, натянуло втугую. Судно вздрогнуло. Ослабили тросы. Льдина начала отходить все дальше и къ неописуемой радости къ 12-ти часамъ ночи съ мели стянуло. Бы-

стро развели пары, каждый сталъ на свое мѣсто и двинулись дальше.

Въ 3 съ половиной часа ночи на льдинѣ убили морского зайца, сало сейчасъ же ушло для топлива, а мясо запасли для ѣды.

Всѣ думали о томъ, какъ бы только доплыть до мыса Флора. Тамъ есть постройки, которыя еще раньше было рѣшено разобрать на дрова.

Въ ночь на 18 іюля, вслѣдствіе сильнаго тумана, пришлось стоять на якорѣ. Паръ прекратили, т. к. топлива осталось всего лишь на 4 часа хода. Въ 8 часовъ вечера начали откачивать изъ трюма воду въ ручную. Но вскорѣ опять стали поднимать пары, т. к. за южнымъ мысомъ острова Гукера показался проходъ въ океанъ. Хотя дальше ничего не было видно: вода тамъ или льды, но все же для судна было гораздо лучше находиться въ океанѣ, чѣмъ между островами во льдахъ, которые въ любой моментъ могутъ нажать судно на берегъ.

19 іюля судно было кругомъ окружено льдомъ. Вмѣстѣ со льдомъ судно понесло обратно на сѣверъ. Льды все больше и больше сгущались вокругъ. Отъ сильнаго напора льда перевернулся огромный айсбергъ около судна. На разстояніи одной сажени отъ судна грохнулась ледяная глыба. Будь судно ближе на одну сажень къ айсбергу, не одобровать бы старому „Фокъ“, да не досчитались бы многихъ участниковъ экспедиціи, т. к. выскочить всѣ не успѣли бы.

Сейчасъ же разбудили всѣхъ и начали разводить пары, т. к. вблизи судна плавали 3 такихъ же льдины и еще болѣе для судна опасныя. Къ счастью вѣтромъ начало раздвигать льды и вскорѣ „Фока“ вышелъ на огромное поле открытой воды. Ваяли прямой курсъ на мысъ Флора.

Все, что можно было использовать для топлива, шло въ котелъ. Въ 1 ч. ночи на льду убили еще одного морского зайца, и его сало пошло въ топку. Ломали на суднѣ то, что еще не было сломано и, что можно было сломать на дрова. Такъ, въ носу судна остались еще бимсы, ихъ выпилили и отправили въ котелъ.

20 іюля то поднимали паруса и медленно двигались на югъ, то разводили пары. На льдинѣ убили 3 большихъ мѣржей, одного вытащили на палубу цѣлымъ, а съ двухъ сняли лишь шкуры и сало отправили въ топку.

Въ восьмомъ часу вечера стали подходить къ мысу Флора и вдругъ неожиданно издали увидѣли человѣка въ маленькой шлюпкѣ, направляющагося къ судну.

Это первый за два года разъ члены экспедиціи увидѣли посторонняго человѣка.

Отъ радости всѣ прокричали „ура“ и дали три свистка, будучи вполне увѣренными, что на мысъ Флора прибыло судно для нихъ.

Но когда шлюпка подплыла къ судну, то оказалось, что это штурманъ Альбановъ изъ экспедиціи Брусилова, которая предполагала на суднѣ „Св. Анна“ пройти черезъ Беринговъ проливъ до Владивостока, но была затерта въ Карскомъ морѣ льдами и унесена подъ 83° сѣв. шир. 11 человекъ команды и штурманъ Альбановъ оставили судно и ушли искать землю, а на ней и спасеніе. На мысъ Флора прибыло изъ 11 человекъ только двое, двухъ же унесло въ море, одинъ умеръ, а остальные гдѣ то отстали и погибли. Въмѣсто ожидаемой помощи, экипажу „Фоки“ самому пришлось пріютить у себя 2 участниковъ экспедиціи Брусилова. Когда гостей накормили и одѣли, во что могли то сейчасъ же „запрягли“ ихъ вмѣстѣ съ собою за работу.

— „Славу Богу, что вы здоровы и помощь ваша будетъ для насъ велика“—говорили „фокинцы“ „аннинцамъ“.

Какъ только пришли на мысъ Флора, началась разборка двухъ избушекъ и погрузка ихъ на пароходъ для топлива. Одновременно шла усиленная работа по выкачиванію воды, которая то и дѣло заливала площадку въ машинномъ отдѣленіи. Стоянка для судна была не особенно удобная и льдины на большой волнѣ то и дѣло колотили судно.

23 іюля во время погрузки дровъ на судно стало наносить два огромныхъ айсберга и однимъ даже толкнуло судно. Это, конечно, для ветхаго „Фоки“ было не особенно пріятно.

24 іюля во время работы на берегу, въ 100 саженьяхъ подъ горой замѣтили медвѣдя. Вооружились ломами и вылезли на большой камень въ ожиданіи „врага“. Вскорѣ подошли и оставшіеся у бота и также взобрались на камень. Когда медвѣдь увидѣлъ на камнѣ 9 человекъ, то сейчасъ же повернулъ назадъ и скоро скрылся на плавающее льды. Но, очевидно, интересуясь, что за гости на берегу, черезъ полчаса опять пришелъ къ мѣсту работъ, но уже съ противоположной стороны, т. е. съ моря. Но также безнаказанно скрылся.

Наконецъ, 25 іюля погрузка дровъ была закончена, и въ 9 часу вечера снялись съ якоря, рѣшивъ сначала сдѣлать попытку поискать пропавшихъ безъ вѣсти спутниковъ Альбанова. Всю ночь плыли къ мысу Гранта, имѣя слабую надежду найти затерявшихся участниковъ экспедиціи Брусилова. Въ виду непроходимыхъ льдовъ до предполагаемаго мѣста не дошли миль 6 или 7. Въ бинокли и въ трубы никого не было видно, давали длинные и долги свистки, но не получали никакого отвѣта.

— „Вѣчная память этимъ несчастнымъ матросамъ“, — сказали многие, перекрестившись, и двинулись въ путь, т. к. за неимѣніемъ запасовъ топлива стоять долго не могли и поэтому не имѣли возможности поѣхать на собакахъ на берегъ.

— „Неизгладимая вина будетъ лежать на нашей совѣсти, — говорили „фокинцы“, если на мысѣ Гранта были люди и видѣли, что судно на всѣхъ парусахъ уходитъ отъ нихъ и съ уходомъ своимъ уноситъ у нихъ надежду на жизнь“.

— „Хотя уже больше 20 дней, какъ они отстали и врядъ ли кто изъ нихъ живъ“.

XI.

Отплытіе отъ земли Франца Іосифа. Бунтъ. Во льдахъ На чистой водѣ. Благополучное прибытіе.

26 іюля экспедиція окончательно распростилась съ Землей Франца Іосифа и „Фока“, поднявъ паруса, взялъ курсъ на югъ.

Къ сожалѣнію, подъ парусами удалось идти только до 4 часовъ дня, а затѣмъ, въ виду совершенно прекратившагося вѣтра, пришлось поднять пары.

Все время попадались отдѣльныя плавучія льдины, правда, мало препятствующія движенію „Фоки“. Но уже на другой день 27 іюля въ 8 часовъ утра „Фока“ былъ окруженъ льдами, но все же „Фока“ шелъ потихоньку, выбирая дорогу между льдами. Въ 6 часовъ вечера прекратили паръ и подняли паруса, т. к. подулъ попутный вѣтеръ.

28 іюля „Фоку“ окуталъ туманъ и ночью судно наскочило на льдину и остановилось. Сронили „стакселя“ и пробовали перенести шкоты и тресселя и „бизаны“, но ничего не помогало. Парусами не могли выбраться. Пришлось поднять пары и въ 10 часовъ утра двинулись дальше.

Чѣмъ ближе пробирались на югъ, тѣмъ большее желаніе явилось у всѣхъ скорѣе попасть домой. На суднѣ только и слышно:

— „Скоро будемъ дома“.

— Да, только печальныя вѣсти привеземъ вдовамъ покойныхъ Г. Я. Сѣдова и механика И. А. Зандера.

Въ 11¹/₂ ч. вечера встрѣтились съ непроходимыми льдами. Пришлось стать на якорь.

Утромъ, 29 іюля показался проходъ во льду и „Фока“ двинулся дальше подъ парами. Топливо вышло уже все. Начали ломать всѣ до единой каюты.

День 29 іюля былъ однимъ изъ самыхъ худшихъ дней въ экспедиціи. 2-хъ лѣтнее пребываніе на суднѣ среди лишеній привело къ тому, что всѣ въ достаточной степени надоѣли другъ другу, у всѣхъ разстроились нервы. Когда былъ живъ Г. Я. Сѣдовъ, онъ умѣлъ въ пужныя минуты, когда надвигалась ссора между тѣми или иными участниками экспедиціи, разрѣшать создававшіеся конфликты и все кончалось къ общему благополучію. Кромѣ того, Г. Я. Сѣдовъ пользовался авторитетомъ какъ среди членовъ экспедиціи, такъ и команды. При немъ никакого бунта на суднѣ не могло и быть. Когда Г. Я. Сѣдова не стало, дисциплина окончательно упала. Между членами экспедиціи и командой установились враждебныя отношенія. Эти отношенія были настолько уродливы, что 28 февраля одинъ изъ членовъ экспедиціи ударилъ матроса по лицу. Когда на слѣдующій день, вслѣдствіе сильнаго тумана, стали на ледяной якорь и всѣ были свободны, чуть не произошелъ бунтъ.

За ужиномъ команда обсудила инцидентъ и наотрѣзъ всѣ отказались отъ подчиненія членамъ экспедиціи, когда отъ команды потребовали спустить стеньгу.

Большая часть команды рѣшила въ случаѣ надобности пересѣсть на взятый на мысъ Флора ботъ и оставить на суднѣ однихъ членовъ экспедиціи и отправиться на ботѣ къ Новой Землѣ.

На палубѣ была вся команда, на мостикѣ всѣ члены экспедиціи. Ударившій по лицу матроса стоялъ на ютѣ. Изъ членовъ экспедиціи говорилъ вахтенный начальникъ Пинегинъ, изъ команды говорилъ Линникъ. Съ той и другой стороны было сказано по адресу другъ друга немало теплыхъ словъ.

— „Если не будете слушаться, будемъ стрѣлять“.

— „Если такъ, то знайте, сдѣлавшій это будетъ также превращенъ въ мясо“.

— „Всѣ вы должны понимать, что всему бываютъ границы. Что же вы хотите, и когда будете спускать стеньгу“?

— „Первое—хотимъ обращенія, которому всѣхъ васъ училъ покойный начальникъ и наказывайте заслуживающихъ наказанія“.

— „Если вы несогласны имѣнить свое отношеніе къ командѣ, то мы судно бросимъ и въ ботѣ отправляемся къ Новой Землѣ. Компасъ насъ доведетъ, а гамъ мы дома“.

Мало-по-малу взаимными уступками конфликтъ былъ ликвидированъ къ общему благополучію, и 31 іюля, когда благодаря ночному вѣтру раздвинуло льды, подняли паруса и двинулись дальше. Путь подъ парусами продол-

жали до 3¹/₂ часовъ дня и, встрѣтивъ густые льды, стали на якорь.

До 5 августа стояли во льдахъ, почти безъ перерыва откачивая воду. 2 августа въ 150 или въ 200 саженьяхъ отъ судна увидѣли медвѣдя, ранили его и Пинегинъ слѣзъ на льды, пробѣжалъ ¹/₂ версты отъ судна и добилъ медвѣдя, котораго скоро привезли къ судну.

Желая использовать свободное при стоянкѣ во льдахъ время начали проконопачивать карбаса и ботъ, т. к. они могли понадобиться въ случаѣ гибели „Фоки“. Между прочимъ, обнаружили, что ботъ, взятый на Землѣ Франца Иосифа на мысѣ Флора, оставленъ итальянской экспедиціей герцога Абриццкаго, т. к. снизу на одномъ изъ телгасовъ находилась надпись: „Expedition Stella Polare“.

5 августа пошелъ снѣгъ, задулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ. Начали разводить пары. Туманъ немного разсѣялся, льды раздвинуло, и въ 12 ч. ночи „Фока“ двинулся къ югу.

6 августа топлива почти не было. Начали пилить бимсы. Въ трюмѣ сломали полубакъ, бортъ на югъ и все, что можно.

— „Врядъ ли хватитъ топлива выбраться изъ льдовъ“, сомнѣвались участники экспедиціи.

Въ 10 часовъ вечера паръ пришлось прекратить, т. к. кончилось топливо. Начали лавировать парусами, переноса ихъ съ борта на бортъ.

— „Какъ хорошо бы встать на слѣдующую вахту и быть уже на открытой водѣ“, — говорилъ почти каждый, смѣняясь съ вахты.

Ставшіе на вахту утромъ 7 августа могли уже съ полной увѣренностью сказать:

— „Славу Богу, близко чистая вода“.

Съ полдня вѣтеръ совершенно утихъ. До 4 ч. дня еле-еле двигались подъ парусами.

Въ 5 часовъ вечера „Фока“, наконецъ, выбрался на чистую воду, хотя и были видны впереди небольшія льдинки.

Это событіе ознаменовали пушечнымъ выстрѣломъ.

— „Салютуемъ полярнымъ льдамъ, освободившимъ изъ грозныхъ оковъ наше судно“.

Тутъ же было рѣшено къ Новой Землѣ не приворачивать, а плыть прямо къ Мурману.

— „Славу Богу, теперь ужъ мы дома“.

8 и 9 августа вѣтеръ стихъ. „Фока“ шелъ не больше 2-хъ миль въ часъ. Вечеромъ 9 августа впервые зажгли огни, котораго не зажигали съ марта мѣсяца.

Въ океанѣ показалось много касатокъ и также видѣли небольшого кита. Хотя вѣтеръ стихъ, но мертвая зыбь

качала судно, какъ щепку. Качка увеличила течь судна. Во время качки откачивать воду было трудно, т. к. вода по трюму «гуляла», промывая всѣ набитые грязью углы, отчего помпа засаривалась и каждые полчаса приходилось ее чистить.

— «Если будетъ порядочный штормъ, врядъ ли осилимъ откачиваніе воды».

— «Ничего, старичекъ «Фока» деревянный и ко дну не пойдетъ, такъ что такъ или иначе, а къ Мурману приплывемъ на суднѣ».

— «Поживемъ—посмотримъ».

— «Теперь льдовъ нѣтъ и бояться совершенно нечего».

11 августа поднялся вѣтеръ. Сначала шли подъ всѣми парусами, а затѣмъ пришлось убрать трессель и бизань. Были оставлены одни кливера. Вѣтеръ все усиливался. Бортовая качка доходила до 33°. Во внутреннемъ помѣщеніи судна полный беспорядокъ, все валялось, гдѣ попало, и перебрасывалось съ борта на бортъ. Судно скрипѣло, какъ худая, намазанная телѣга. Течь тоже усиливалась.

— «А мы все таки плывемъ и совершенно ни о чемъ не беспокоимся, т. к. во льды обратно не отнесетъ»,—утѣшали себя члены экспедиціи.

13 августа на суднѣ появилась маленькая птичка въ родѣ жаворонка, безусловно, не морская.

— «Земля близко, скоро будемъ дома, въ Россіи».

Ночью на небѣ заблистали звѣзды, которыхъ не видѣли съ февраля мѣсяца. Къ вечеру 13 августа вѣтеръ стихъ и судно пошло «черепашьимъ» шагомъ.

— «Океанъ беретъ послѣднюю дань и не хочетъ выпустить старичка «Фоку» изъ своихъ объятій».

— «Не болѣе 100 миль осталось до Бѣлаго моря, а тамъ уже родина—Россія!»

— «Правду,—писалъ Карамзинъ, что всякій «бродяга» и желающій испытать значеніе своей родины, надолго долженъ изъ нея выѣхать».

— «Даже мечтать, что скоро будемъ дома, и то радостно»,—писалъ въ этотъ день въ дневникѣ матросъ Линникъ.

— На грусть наводитъ лишь та мысль, что прибудемъ въ Россію безъ главы нашей экспедиціи. Сегодня ровно 2 года, какъ покинули мы родную страну и скитались въ странѣ вѣчнаго льда. Много за это время пришлось перенести всевозможныхъ лишеній, но все это казалось ничѣмъ, пока живъ былъ самъ Г. Я. Сѣдовъ. Почти во всѣхъ экскурсіяхъ былъ я участникомъ и при 52° мороза ночевалъ въ палаткѣ. Всѣ они забудутся, но никогда въ жизни не изгладится изъ памяти «Путешествіе къ полюсу», т. к. въ это неудачное и несчастное путешествіе у меня на рукахъ

умеръ мой начальникъ Г. Я. Съдовъ. Умеръ тихо, не окруженный родными, а окруженный своими слугами и умеръ первымъ изъ русскихъ, умершихъ такой смертью подъ безжалостныя завыванія полярной вьюги, при 42° мороза въ палаткѣ, на льду океана, противъ послѣдняго клочка земли сѣвернаго полушарія. Умеръ на льду, но на землѣ похороненъ, — это все, что мы могли и обязаны были сдѣлать».

По произведеннымъ В. Ю. Визе 15 августа астрономическимъ наблюденіямъ до земли оставалось 80 верстъ.

— «Скоро будемъ въ предѣлахъ дальняго сѣвера Россіи, а пока въ Ледовитомъ океанѣ».

Въ 7 часовъ вечера все судно огласилось криками: «ура», на горизонтѣ замѣтили пароходъ.

— «Слава Богу, мы уже въ обитаемой странѣ».

Въ 8½ часовъ пароходъ прошелъ поперекъ курса «Фоки» на западъ съ полнымъ грузомъ лѣса. Это былъ пріятный вѣстникъ. Всѣ оживились.

— «Теперь ужъ можно встрѣтить не одно судно».

Въ 2 часа ночи 16 августа увидѣли берегъ. Видѣли также два судна — парусное и паровое.

— «Мы уже дома».

Вблизи берега Лапландіи, „Фока“ взялъ курсъ къ Харловскому маяку, гдѣ рѣшили ждать мурманскаго парохода и взять на немъ уголь. На „Фокѣ“ былъ поднятъ сигналъ: «обѣдствуемъ отъ недостатка угля».

Въ 10 час. вечера на близкомъ разстояніи прошелъ мимо полнымъ ходомъ съ потушенными огнями пароходъ, не обративъ никакого вниманія на сигналъ. Чтобы обратить на себя вниманіе, дали 7 выстрѣловъ изъ китобойной пушки, и кромѣ того зажгли бенгальскіе огни, паклю, облитую керосиномъ. Все это оказалось напраснымъ. Пароходъ скрылся. Такая негостепріимная встрѣча моряками полярныхъ путешественниковъ обезкуражила послѣднихъ. Путники, конечно, не знали о началѣ войны и о „страхахъ“ на Сѣверѣ.

— «Возможная помощь отъ насъ удираетъ. Нехорошо».

Въ 7 час. утра 17 августа прошли Харловскій маякъ и направились къ становищу Рында. Къ полдню начали подходить къ становищу, но съ парусами, въ виду сильнаго противнаго вѣтра, не удалось зайти въ бухту. «Фоку» понесло назадъ. Къ счастью, увидѣли идущій съ моря карбасъ съ тремя промышленниками. Подозвали ихъ къ себѣ.

Первая просьба, съ которой обратились «фокинцы» къ рыбакамъ, была:

— «Дайте табаку, 8 мѣсяцевъ не курили».

Отъ рыбаковъ же узнали и о войнѣ. Послѣ краткаго разговора Кушаковъ сѣлъ въ карбасъ и уѣхалъ съ промышленниками на берегъ. Вскорѣ одинъ за другимъ прибыли 2 моторныхъ катера, которые прибуksировали „Фоку“ въ бухту, гдѣ стали на якорь.

Въ честь благополучнаго прибытія дали 9 выстрѣловъ изъ пушки.

Вскорѣ на судно прибыли чуть ли не всѣ обитатели колоніи съ мѣстными властями: священникъ, урядникъ, агентъ Мурманскаго Товарищества и многіе промышленники.

Много разъ кричали «ура».

Кушаковъ послалъ телеграмму государю.

Прибывшимъ «фокинцамъ» сообщали пріятную, но теперь уже бесполезную новость о томъ, что посланы поисковыя экспедиціи за ними, за лейтенантомъ Брусиловымъ и геологомъ Русановымъ.

— «Гдѣ то теперь они?»

— «Дай Богъ имъ возвратиться».

Узнали также, что партія капитана «Фоки» Захарова прибыла благополучно въ Россію, узнали о смерти одного изъ матросовъ изъ этой партіи. Какой матросъ умеръ — никто не зналъ.

— «Навѣрно, Каторинъ», — догадывались путники.

Тутъ же разрѣшили загадку по поводу удиравшаго отъ „Фоки“ парохода, который оказался пароходомъ Мурманскаго Товарищества «Ломоносовымъ». Капитанъ парохода послѣ выстрѣловъ, очевидно, принялъ «Фоку» за непріятельскій корабль.

VII.

Съ Мурманъ въ Архангельскъ.

18 августа въ становище пришелъ пароходъ Мурманскаго Товарищества «Николай II», совершающій рейсъ между Архангельскомъ и Норвегіей. На немъ уѣхали матросъ и штурманъ Альбановъ изъ Брусиловской экспедиціи, а также трое изъ Сѣдовской экспедиціи: художникъ Пинегинъ, геологъ Павловъ и географъ Визе. Съ парохода погрузили на «Фоку» 130 пудовъ угля. Взяли также кочегара. Кстати, кочегаръ долго не соглашался плыть на полуразрушенномъ суднѣ. На берегу взяли еще 25 сажень дровъ и рѣшили плыть въ становище Порчнixa, гдѣ можно взять еще 1000 пудовъ угля. Всѣ закупили одежды, брюкъ, кепокъ, рубахъ и ботинокъ и немного пріодѣлись.

Въ 9 час. 19 августа снялись съ якоря и поплыли дальше, сдѣлавъ прощальный салютъ становищу. Въ 2 часа дня прибыли въ становище Порчнixa на факторію судо-

владѣльца и рыбопромышленника Спаде. Какъ только пристали къ угольному судну, сейчасъ же явился на „Фоку“ управляющій факторіей и вручилъ телеграмму отъ Государя Императора черезъ Морского Министра съ Высочайшей благодарностью за выраженные вѣрноподданническія чувства.

По прочтеніи телеграммы трижды прокричали „ура“ и былъ данъ салютъ изъ пушки. Скоро нагрузили 400 пудовъ угля. Такъ какъ этого количества для перехода въ Архангельскъ было мало, а фактористъ уступить больше не могъ, то рѣшили захватить угля еще въ становище Шельпино въ факторіи промышленника Могучаго. Въ началѣ 9 го прибыли въ Шельпино.

На другой день 20 августа съ 6 час. утра всѣ принялись за погрузку угля. Погрузили еще 700 пудовъ и въ 2 часа двинулись въ путь къ Архангельску. „Фока“ шелъ подъ всѣми парусами и подъ парами. Всѣ плыли и не вѣрили въ свое счастье. Не надо было бояться, что вотъ вотъ отечетъ судно, воду откачивала машина. Не надо было искать лишній деревянный предметъ, чтобы бросить его въ топку,—угля было достаточно.

— Плыдемъ и празднуемъ,—радовались путники.

Въ 3 часа ночи 21 августа вошли въ Бѣлое море, въ 10 часовъ прошли Городецкій маякъ.

Въ 10 ч. утра на другой день 22 августа прошли Орловскій маякъ.

23 августа вечеромъ „Фоку“ у Бара С. Двины встрѣтилъ портовый пароходъ „Лебединъ“, который взялъ „Фоку“ на буксиръ. Въ 1 часъ ночи остановились въ устьѣ рѣки Маймаксы, чтобы въ Архангельскъ, гдѣ готовились торжественная встрѣча, прійти ночью.

24 августа встали въ 6 часовъ утра. Когда начали приготовляться въ путь, то обнаружилось, что котель окончательно испортился, трубы потекли. Даже якорь пришлось выкатывать въ ручную.

Какъ только выкатили якорь, сейчасъ же „Лебединъ“ взялъ „Фоку“ на буксиръ.

— „Послужилъ и будетъ“.

Когда „Фока“ проходилъ мимо заводовъ, всюду слышались привѣтствія. Къ 12 часамъ дня стали подходить къ Соборной пристани. На берегу масса встрѣчающихъ, во главѣ съ властями города и порта. Тутъ же былъ губернаторъ, вице-губернаторъ и многіе другіе. Послѣ привѣтствій и поздравленій съ благополучнымъ прибытіемъ всѣ отправились въ соборъ, гдѣ была отслужена заупокойная литургія о начальникѣ экспедиціи Г. Я. Сѣдовѣ и механикѣ И. А. Зандерѣ и матросѣ Каторинѣ. Затѣмъ было отслужено благодарственное Господу Богу молебствіе

о благополучномъ возвращеніи и о ниспосланіи побѣды надъ врагомъ. Протоіереемъ собора произнесена проповѣдь о покойномъ Сѣдовѣ и о другихъ умершихъ. Отъ любопытныхъ, желавшихъ посмотрѣть „Фоку“, не было отбоя. Не другой день губернаторъ въ честь прибывшихъ далъ обѣдъ.

Такъ закончилось плаваніе первой русской экспедиціи къ сѣверному полюсу.

Вл. Симановскій.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„СѢВЕРЪ“

Архангельскъ, Троицкій пр., д. Минаева.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЗВѢЗДОЧКИ. Альбомъ-книжка для маленькихъ дѣтокъ. Съ картинками для раскрашиванія . . . . . Распродано.

БУКВАРЬ. По системѣ Вахтерова. Цѣна съ пересылкой . . . . . 4 р. — к.

БѢЛОМОРСКОЕ ВѢЧЕ. Художественно-литературный, политическо-уголовный и каррикатурно-бытовой альманахъ съ иллюстраціями . . . . . Распродано.

СѢВЕРНАЯ БЫЛЬ. Серьезно-протестующій, общественно-юмористическій альманахъ. Органъ партіи недоѣдающихъ пицетиковъ. Съ карриатурами. Цѣна съ пересылкой . . . . . 2 р. 80 к.

РУССКІЙ ВЪ АНГЛІИ. Словарь-самоучитель англійскаго языка . . . Распродано.

РУССКІЙ ВО ФРАНЦІИ. Словарь-самоучитель французскаго языка . . . Распродано.

ЭКСПЕДИЦІЯ Г. Я. СѢДОВА КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ. В. А. Симановскаго. Цѣна съ пересылкой . . . . . 12 р. — к.

Готовятся къ печати:

ПОМОЩЬ КРЕСТЬЯНАМЪ и всѣмъ имѣющимъ хотя-бы и небольшіе участки земли. Необходимые совѣты по огородничеству, плодоводству, полеводству, по уходу за домашними животными и птицей.

В. В. Васильевъ.

МУЧЕНИКЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Неизданные матеріалы изъ исторіи русской революціи, съ подробностями жизни, дѣятельности и мученической смерти лейтенанта П. П. Шмидта и его товарищей. Съ портретомъ.

А. П. Андреевъ.

КРОВЬ. Повѣсть изъ современной жизни.

М. Л. Леоновъ.

„ЗАПИСКИ ВОРА“. Интересные, сенсационные очерки изъ жизни преступнаго міра, записанные авторомъ со словъ извѣстнаго уголовнаго преступника Алешки Шилова. 30 лѣтъ жизни котораго протекла въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ.

Сатиры на злобу дня Шубы.

Книги вложеннымъ платежомъ не высылаются.

Перепродавцы пользуются скидкой.

КНИЖНО-ГАЗЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ И ТОРГОВЛЯ

„СЪВЕРЪ“

Архангельскъ, Троицкій пр., д. Минаева.

Большой выборъ старыхъ и новыхъ книгъ, беллетристическихъ, философскихъ, политическихъ, специально-научныхъ и пособій по всѣмъ
==== отраслямъ знаній. ====

Приемъ книгъ на комиссію.

Покупка старыхъ и новыхъ книгъ. По письменнымъ предл. для осмотра и покупки книгъ экспедиція „Съвера“ посылаетъ своихъ агентовъ по указанному адресу на мѣста.

При книжно-газетной экспедиціи „Съверъ“ имѣются отдѣленія игрушечное и разныхъ случайн. вещей.

Ожидается большой транспортъ игрушекъ изъ за границы.

„ФЛИРТЪ ЦВѢТОВЪ“

интересная, салонная игра. Съ новыми варіаціями на злобу дня.

Писчебумажныя и канцелярскія принадлежности.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
ПЕЧАТНАГО, ПЕРЕПЛЕТНАГО И ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА
въ Архангельскѣ.

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ

на срочное исполненіе печатныхъ и переплетныхъ работъ.

**ПЕЧАТАНІЕ КНИГЪ,
ЖУРНАЛОВЪ,
ГАЗЕТЪ,
БРОШЮРЪ,
ОТЧЕТОВЪ,
ЛЕКЦІИ,**

**РЕФЕРАТОВЪ,
СЧЕТОВЪ,
БЛАНКОВЪ,
КОНВЕРТОВЪ,
АФИШЪ,
КАРТОЧЕКЪ и пр.**

Исполненіе происходитъ въ предпріятіяхъ Товарищества:
1) въ типографіи, бывш. „Сѣверное Утро“, 2) въ типографіи,
бывш. наслѣдниковъ Горайнова, 3) въ перепл., бывш.
А. М. Алексина и 4) въ перепл., бывш. Н. П. Голованова.

Товариществомъ пріобрѣтены новыя наборныя машины „Ли-
нотипъ“, новѣйшей конструкціи, модель № 14 и 4 и большая
ротационная печатная машина, дающая до 32 тысячъ оттисковъ
огромнаго формата въ часъ, что даетъ возможность на
быстрое, срочное исполненіе заказовъ
въ МАССОВОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Торгово-Промышленное Товарищество.
Печатнаго, Переплетнаго и Издательскаго ДѢла
въ Архангельскѣ.

Телефоны: { Главная контора № 3 91.
Директоровъ: Завѣдыв. типографіями № 7-79
„ „ переплетными № 10-90.
„ „ хозяйств. частью № 6-21.

Коп.

Руб.

Коп.

Цена 12 рублей.

Коп.

Руб.

Коп.